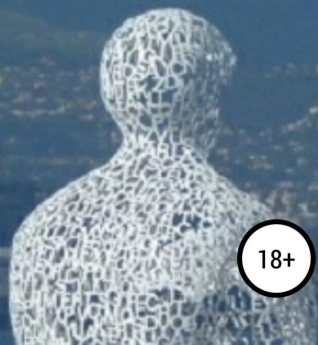

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

Z E R O

"Тихая"
Швейцария

18+

Юрий Горюнов

Zero. «Тихая» Швейцария

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415608

SelfPub; 2018

Аннотация

– Вы что? Пришли меня послушать? Так слушайте. Я не буду ждать, когда в ваши головы прибежит идея, если не проскочит мимо, не удосуживаясь задержаться в ваших пустых головах. Я вас заставлю думать. Иначе заменю другими, – со вздохом закончил он. Книга 5 из серии Zero.

ZERO. «Тихая» Швейцария»

1

Вы, что совсем разучились думать? – резко спросил сидящий во главе стола мужчина, было ему за пятьдесят, и был он подтянутым, с прямой спиной, а седые волосы не портили его внешность. Он переводил пронзительный взгляд серых глаз на пятерых своих сотрудников, приглашенных на совещание, словно пытаясь заглянуть в их головы, чтобы понять, есть там что-либо кроме отговорок, а те сидели, понуро смотря в стол.

– Что головы опустили? Для чего вы мне здесь нужны тогда? Профессионалы, вашу мать! Агента провалили. Почему? Что произошло? – выговаривал он им, повышая голос.

Сотрудники, молча, слушали упреки в свой адрес, которые были справедливы. Обычно сдержанный на интонации генерал, сегодня был не в духе и пытался достучаться до подчиненных, вбить в их головы, что время не ждет.

– Вы что? Пришли меня послушать? Так слушайте. Я не буду ждать, когда в ваши головы прибежит идея, если не проскочит мимо, не удосууживаясь задержаться в ваших пустых головах, я вас заставлю думать. Иначе, заменю другими, – со вздохом закончил он.

Чтобы не распаляться дальше, он встал и подошел к окну. Там, за окном, светило весеннее солнце, которое уже растопило снег, и асфальт был сухим. В центре уже давно на-

ступила весна, и лишь в лесу, в тени, еще лежал покрытый коркой снег, серый и влажный. Внизу, по улицам сновали машины, а люди не торопливо шли под ласковыми лучами весеннего солнца. Генерал наблюдал из окна обычную жизнь горожан со своими заботами, радостями и печалью. А что происходило за стенами этого здания им знать и не надо. Зачем? Это задача специалистов обеспечивать их безопасность, мирную жизнь, а они должны заниматься своим делом, наслаждаясь погодой. Сам генерал предпочитал осень, ее начало, когда уже прохладный воздух тащит за собой шлейф летнего тепла, а небо ясное и чистое, и если посмотреть на него, то замечаешь его бездонную голубизну. Впрочем, сейчас ему понравилось бы любое время года, и любая погода устроила, лишь бы решить то, что висит грузом на ногах, не давая возможности двигаться дальше.

Он вернулся к столу. Сотрудники, все также молча, сидели, и наблюдали за перемещениями начальника, ожидая продолжения. Генерал осмотрел свой кабинет, стены которого были обшиты светлым деревом, а выше выкрашены бежевой краской, и были они удивительно пустыми, он не любил вешать ни фотографии руководителей, ни всякие эстампы и прочее. Его большой стол был практически пуст: подставка под ручки и карандаши, лежал блокнот, стояло два телефона. Все. Никаких компьютеров или папок с документами. Не увидев решения на мучавший его вопрос, он вновь обратился к сидящим, за приставным столом:

– Давайте еще раз, – произнес он уже спокойно. – Что нам известно. Павел Семенович, повтори, – обратился он к сидящему справа заместителю. – Ты-то, наверняка, помнишь, как на официальных приемах, на нас смотрят, сколько ехидных слов, прикрытых лестью, пускается в наш адрес, а суть одна – нас выставляют дураками, к которым я себя не отношу. Вот и надо не им, а самим себе доказать, что это не так. Мы не будем отчитываться перед нашими противниками о своей работе и ее результатах. И чем позже они узнают о наших результатах, если они будут, тем лучше. Нам неизвестно, что они у нас уже читают из документов, может быть, поэтому и улыбаются так. Говори.

– По имеющейся информации, – начал Павел Семенович, – у АНБ контакты с предприятиями Швейцарии. Они развернули систему электронного шпионажа "Паутина", которая дает возможность с помощью наземных станций, спутников-шпионов, подводных лодок, перехватывать сообщения. К тому же они активно использует эти же средства для общения между собой. Для нас важно, получить ключ к расшифровке, чтобы начать активную игру по дезинформации и прикрытию наших сообщений.

– Если мы хотим начать игру, то должны понимать, что ложь – это искусство, а тонкая ложь, – тончайшее искусство, – заметил генерал, – а все ли мы искусствоведы? Выходит, что нет, если до сих пор ничего не знаем, тем более наши агенты, там. Продолжайте.

– Нам удалось выяснить, где можно получить информацию, кто ей владеет. Сотрудник, направленный для получения информации и ключа, сообщил, что он вышел на контакт, но после этого он погиб в автомобильной катастрофе. Не очень верится, что это случайность. Сейчас нити практически оборваны. Мы делаем вывод, что его ждали. Наш сотрудник прибыл через третью страну, и сменил имя.

– Есть доказательства, что его ждали?

– Частичные.

– Источнику что предложили?

– У него амбиции, что его не ценят, но и предложили сто тысяч швейцарских франков. Он согласился. Это пока все, что нам известно: кто и условия.

– Не так уж и много за информацию. А что касается частичных доказательств, то нельзя доверять ни частичным, ни косвенным доказательствам, из которых напрашивается единственный вывод. Учтите это. Единственное решение меня пока не устраивает. Место?

– Женева. Она по-прежнему остается столицей европейского шпионажа, опережая Вену. В Швейцарии очень трудно работать, она напигована разведками разных стран.

– Да, – вздохнул генерал, – современные технологии позволяют много, что сделать, и достигли серьезных успехов, но человек, по-прежнему, играет важную роль, хотя порой кажется, что она отошла на второй план. Человек сложный механизм, он умеет чувствовать, и вербовать. Что касает-

ся прибытия агента, то Швейцария маленькая страна, там все на виду, и даже если он прибыл через третью, четвертую страну, еще ни о чем не говорит. Значит, так. Раз у вас ничего нет, значит, завтра будет, – заявил он тоном, не терпящим возражений, да и кто рискнул бы возразить. – Завтра жду в десять с предложениями. И помните, прежде чем уволят меня, я успею уволить вас. Всех. Поидете, улицы подметать, я сделаю все, чтобы вам даже охрану пустого поля не доверили, – и, помолчав, добавил, – а я буду у вас бригадиром. Все. Свободны.

Присутствующие поднялись и потянулись к двери, а генерал произнес: – Виктор Николаевич, задержитесь.

Один из пятерых, остановился. Генерал подождал, когда выходящие закрыли дверь и предложил: – Присаживайся. Я чувствую, что у тебя есть идея, но ты ее не стал высказывать.

– Плохой я профессионал, если вы это почувствовали.

– Хороший, но я тоже профессионал, тем более бывший оперативник и нюх не потерял, да и что я за начальник, если не знаю своих подчиненных. Слушаю.

– Можно вопрос, – и получив согласие, Виктор Николаевич спросил. – Вы уверены, что у нас есть «крот», и что нашего агента ждали?

– Ты член одного маленького клуба.

– Какого, – не понял Виктор Николаевич.

– Кто осмеливается задавать подобные вопросы. Нет,

не уверен. Нет доказательств. Агент сам себя мог выдать, наследить. И что из этого?

– Я предлагаю отправить туда нелегала.

– Ты говоришь о ком-то конкретно?

– Да, – и назвал, кого он имеет в виду.

Генерал задумался. Об этом нелегале он знал, но особо не вникал в его деятельность, ему докладывали о результатах операций, но специально он не интересовался, да и зачем. Чем меньше упоминают нелегалов, тем им спокойнее.

– Ты не стал о нем говорить, потому что опасаясь, если есть крот, то может быть, утечка, и когда придет другой, они будут готовиться?

– Они все равно будут ждать, если это не случайность. Важно чтобы они не знали, с какой стороны он придет. Называть его псевдоним не хотел, присутствующие его могут и не знать, а так запомнят. Не у всех, может быть, допуск к его делам, а назовешь, интерес проявится.

– Разумно. Агентуру надо беречь. Чем меньше о них знают, тем им легче работать, и нам тоже. Я подумаю. Завтра посмотрим, что предложат. Хотя... – он наморщил лоб, – завтра решим, что можно применить в совокупности. Если они ждут, тогда направим агента для отвлекающего момента, а о нелегале говорить не будем. Эту операцию проведем параллельно, но и с минимумом информации.

– А что посланного отсюда агента, сдадим? – удивился Виктор Николаевич, догадавшись о ходе мыслей начальника.

— Ну, зачем же. Он будет просто отвлекать их, чтобы они больше смотрели в его сторону. Можно задействовать даже тех, кто есть в Швейцарии.

— А не будет столкновения между агентами? Они же не знают друг друга, а наш нелегал на очную связь не выходит, — задумчиво произнес Николай Викторович.

— Вообще слабая цепочка к источнику информации осталась. Я думаю, новый агент может попытаться наладить контакт с носителем информации. Не получится ли так, что нелегал прокатится и выступит в роли курьера? Не его уровень.

— Все может быть. Но, к счастью, он может приехать под видом кого угодно. Мы не знаем, чем он занимается в обычной жизни, где живет. Сообщения ему передают во Франции. Это все, что нам известно. Это и помогает ему столько лет работать. У нас не было даже подозрений, что он двойной агент. Все операции, что он проводил, успешны, никакой дезинформации.

— Да, — вымолвил генерал. — Как он столько лет держится. Один живет или есть семья. Удивительно. Но я отвлекся.

— Даже если он будет курьером, то это снижает риск провала нашего агента при наличии у него информации.

— Не подставить бы нелегала.

— Мы не подставим, мы не знаем, в каком качестве он там появится. Риск есть всегда, он знает это лучше нас.

– А это будет твоя задача. Завтра в час дня, придешь отдельно, и мы обсудим. Свободен.

Виктор Николаевич поднялся и вышел. Оставшись один, генерал несколько минут сидел, молча, думая о возможном развитии операции. Он был профессионал и понимал, что использовать нелегала для краткосрочной операции опасно, но кто знает, может быть, это и выход, и это тот единственный шанс, что им предоставлен. Генерал поднял трубку одного из телефонов и набрал номер: – Я сейчас спущусь.

После этого вышел, сказав секретарю, что будет через час, не посвящая его, куда направился. Он знал, что не все дела сотрудников могли принести к нему в кабинет.

2

Я уже не спал, но глаза еще были закрыты, память сна была свежа, и там, во сне, мне казалось, что я чувствую запах хвои, озерной воды и прелых листьев. Мое воображение рисовало мне яркую картинку начала осени в лесу на берегу озера. Я хотел быть там, наслаждаться тишиной, легким теплым ветерком, что срывает листья, и те, с шорохом, ложатся на землю, а я просто сижу, отгоняя мысли, очищая голову от их случайности. Но, увы, я был там, где был. Улыбнувшись, открыл глаза, и увидел привычную обстановку своей спальни. Чувствовал я себя бодрым, выспавшимся, полным сил, и начал мысленно строить планы на день, чуть дальше, но

не забегал далеко вперед, что было смешно при моей профессии. Я думал, что время со мной, и я им могу распоряжаться, хотя бы в эти ближайшие дни. «Хочешь рассмешить Господа, расскажи ему о своих планах» вспомнилась кем-то произнесенная или прочитанная фраза, и улыбка стерлась с моего лица. Да, ошибался я строя планы в эти минуты, но, к счастью, еще не знал об этом, поэтому поднялся с хорошим настроением.

Раздвинув шторы, посмотрел за окно, погода не радовала: моросил мелкий дождь, хотя сквозь тучи пытались пробиться солнечные лучи и им это удавалось. Приоткрыв балконную дверь, я выглянул – сыро. В течение последующих тридцати минут я занимался гимнастикой, чтобы поддержать себя в форме, а затем отправился в душ. Уже позже, войдя на кухню, чтобы приготовить себе завтрак, я заметил, что остатки рваных туч уже покидали небо Парижа.

Приготовив омлет и сварив кофе, я разместился за небольшим столом, наблюдая, как очищается небо и настроение, и так не плохое, поднялось еще на несколько градусов выше. Потребности в спешке идти на работу у меня не было, но это не значило, что я мог весь день сидеть и наблюдать за капризами погоды. Пора приступать к делам. Когда уже выехал на улицы Парижа, чтобы отправиться на работу, то о дожде напоминал лишь мокрый асфальт, да и то в тени, где тот еще не успел высохнуть. Теплый весенний день отвоевывал свое.

Я неспешно двигался в потоке машин, водители которых, как и я считали, что вот у меня есть дела, а вы то, куда все едете? Мой путь лежал к галерее, владельцем которой я являлся. Ранее у меня были иные виды бизнеса, я сумел неплохо заработать и был вполне состоятельным, но теперь была только галерея, она была для души, но и доход приносила. У меня было много знакомых в мире искусства, как во Франции, так и за ее пределами, поэтому жизнь не была скучной. Моя деятельность, как официальная, так и не очень, позволяла мне много, где бывать в мире, но, к сожалению, не всегда по собственному желанию. Я, Жан Марше, француз, галерист, на самом деле был разведчиком – нелегалом, проще шпионом, а именно, Егор Зотов, с оперативным псевдонимом ZERO. Почему ZERO? В «Тайной доктрине» Блаватской Е.П., написано «нуль становится числом, только когда одна из других девяти цифр предшествует ему, являя, таким образом, его сумму и мощь». Это было про меня. Мой нелегальный выход наступал лишь тогда, когда совершалось какое-то событие, не без участия человека. Эти действия, порой незнакомых мне людей, вынуждали меня отвлечься от галереи и интересоваться иными вещами и событиями.

Вот уже много лет я живу в Париже, веду свой бизнес в области искусства, иногда в других областях, где есть возможность получить доход, и жизнь моя – жизнь холостяка. Разве можно жить с кем-то, ежедневно, и не быть искренним, пусть не всегда, но за редким исключением? У меня же все наобо-

рот. Для меня искренность слишком дорогое удовольствие. Сам я с опаской отношусь к человеку, когда меня уверяют в искренности. Мой опыт говорил, что искренность, еще не гарантия правды, и я сам научился лгать, вернее меня этому научили. Ложь, бывает, необходима в моей деятельности. Солгал одному, тот солгал другому, и ложь прошла, потому что последний искренне верил в то, что говорил. Это давало возможность использовать человека вслепую, хотя он мнит себя игроком. Быть лжецом искусство, но и их надо уметь вычислять. Лжец соврав, проверяет вашу реакцию, глядя в лицо, чтобы понять, клюнули вы на ложь или еще надо что-то добавить. Те же, кто говорит правду не прибегают к дополнительным приемам, они верят, что им поверят на слово. Вот последним, мне чаще и приходилось прикидываться. Я в своей жизни двигался сквозь время, смотрел вокруг, запоминал, наблюдал.

Так в размышлениях о своем бытие, я становился у светофора. Рядом был «парковочный карман», где уже стояли автомобили. Мое внимание, по привычке смотреть туда, куда надо смотреть, привлек один автомобиль, темно-зеленого цвета, на заднем стекле которого, было наклеено «ароматы для дома» и указан телефон. Не знаю, продавали ли там действительно ароматы, но машина стояла там, где должна стоять в определенное время. Я запомнил номер телефона и поехал дальше. Припарковал машину возле галереи, что располагалась недалеко от центра, которая была уже час, как

открыта. Это не ее открыли рано, это я позволил себе приехать поздно. Войдя внутрь, свернул направо, где за столом сидела моя помощница, Элен, она же директор, по образованию искусствовед, высокая, стройная женщина, и что-то просматривала в каталоге. Не задавая вопросов, чтобы не отвлекать ее от трудов праведных, я разместился рядом со столом на диване и окинул взглядом салон, больше никто из других моих сотрудников в поле зрения не попал, но они были где-то здесь.

Элен подняла голову, посмотрела на меня и с ехидством поздоровалась:

– Добрый день.

– Доброе утро, – понял я ее.

– Это для тебя утро, – улыбнулась она и вернулась к каталогу.

Несмотря на дообеденное время, в галерее находилось несколько человек. Сама галерея состояла из двух залов: в основном, вдоль стен с потолка на бесцветных шнурах висели полотна, которые отступали от стены на два-три сантиметра, и за счет этого создавалась иллюзия пространства и уюта, и малый зал с гобеленами и прочими видами мира искусств. Элен, просматривая каталог, тем не менее, успевала наблюдать за посетителями, что были в ее поле зрения, чтобы, по только ей понятному движению, прийти им на помощь.

Я обратил внимание на группу из трех человек: двое муж-

чин и одна женщина. Судя по моему опыту, это были иностранцы. Один из мужчин был седовлас, в строгом темном костюме, покрой которого указывал, что он не лишен тщеславия. Его спутники были одеты более просто: мужчина по-моложе был в джинсах и куртке, дорогие ботинки. Мое же внимание привлекла женщина. Была она среднего роста в джинсах и в легком, свободно сидящем свитере, под которым я угадывал крепкие и манящие груди, что не возможно было скрыть одеждой, и узкую талию. Туфли на высоких каблуках делали ее еще выше и стройнее. Золотисто-каштановые волосы свободно спадали на плечи.

Пока я рассматривал их, старший посмотрел в нашу сторону, я понял его взгляд и бросив Элен: – Я сам, – направился к посетителям, чувствуя ее ехидный взгляд на своей спине, там же была женщина. Когда я к ним подошел, то седовласый, оценил меня взглядом своих темных глаз. Оба его спутника тоже смотрели на меня, но я пока на них не отвлекался, поняв, кто из них главный и представился: – Жан Марше, владелец этой галереи, – и обвел взглядом зал.

– Это надо полагать молодой художник, – не спрашивал, а утверждал седоголовый, не поворачиваясь к картинам, возле которых мы стояли. Голос его звучал спокойно, вежливо и даже как-то безразлично, давая понять, что за ним власть. Его поворот, как я заметил ранее, был движением незаурядного человека, знающего себе цену. Я мог не смотреть на картины, так как знал, где и что висит в галерее.

– Да, – подтвердил я его догадку, – это молодой французский художник Симон Фарер. Его отличает стиль – строгий и холодный. Он, обычно, любит изображать улицы, людей. Но обратите внимание, – повернулся я к картинам. – Во всей холодности красок, всегда есть место, где краска проявляется ярче, как бы требуя обратить на себя внимание, например этот луч солнца, – указал я на одну картину, – платье женщины на другой или книга, лежащая на парковой скамейке. Всеостальное, как бы служит фоном, этот контраст и привлекает. Это открытие в мире художников. Мы проводили его выставку и у меня с ним контракт.

Я знал Симона уже пару лет. Он пришел как-то утром, чтобы показать свои работы, мне было лень рассматривать, но Элен настояла, и была права. Сначала я не придавал значения его эскизам, но, просмотрев несколько, что-то меня стало привлекать, и лишь потом я понял, что. Тогда я попросил показать оригиналы, и на другой день в его студии уже видел подлинники. Мы заключили контракт, провели выставку, где, как всегда, собрались тусовщики, пили шампанское, ели бутерброды, с умными лицами рассматривали картины. На самом деле разбирающихся в картинах, было не более пяти человек, но в итоге статьи вышли положительные, и вот Симон выставлялся через мой салон.

– Несколько грустные картины, – произнесла женщина.

Эта фраза, дала мне возможность повернуться к ней и лучшее ее рассмотреть. Кожа ее была смуглой, большие мин-

далевидные глаза карего цвета. Она была красива по-настоящему. Выразительные черты лица лишь усиливали ее притягательность.

– Это как посмотреть, – возразил я. – Мы часто воспринимаем искусство в зависимости от своего настроения. Мне эти картины внушают надежду.

Она улыбнулась, чуть склонив голову, от чего выражение ее лица выглядело лукавым, а улыбка была по-детски естественной.

– На что?

– На будущее, на встречу с прекрасным, – ответил я, стараясь вложить в свою интонацию другой смысл, который она поняла.

– Картины мне нравятся. Я возьму две, – вступил в разговор седовласый, и указал какие.

– Это хороший выбор, – одобрил я. – Вы разбираетесь в искусстве.

– Немного, – пожал он плечами. – Неизвестно, что может в жизни пригодиться. Завтра за ними придут.

– Хорошо.

– Спасибо за информацию, дальше мы сами, – дал он мне понять, что в моих услугах больше не нуждается.

Я вернулся к Элен и сообщил ей, что две картины куплены, их надо снять и подготовить, завтра за ними заедут, а также посоветовал, что повесить на освободившиеся места.

– Без твоего ценного указания, я бы об этом никогда не

догадалась, – усмехнулась она.

– Но должен, же я, хоть как-то обозначить свое присутствие здесь в качестве владельца.

Мы немного поспорили о том, что повесить на освободившиеся места и пришли к выводу, основанному на ее доводах.

Беседуя с Элен, я помнил о телефоне, и чувствовал, что скоро моя спокойная жизнь закончится, и должен буду приступить к очередному заданию, покинув Францию, так как никаких заданий во Франции я не выполнял, это было мое жесткое условие. Я здесь жил и восстанавливал силы. Надо подготовить Элен к моему отъезду.

– Послушай, дорогая, а как ты смотришь, на то, что я зашел в Париже? – обратился я к ней.

– Устал, – притворно вздохнула она.

– Устал, но я здесь не зря?

– Не зря, – согласилась она. Ты умеешь обхаживать клиентов. Вон, господин, Мисаки приезжал, как ты его обхаживал. И он купил несколько картин.

Мисаки был моим давним знакомым из Японии, такой же галерист, как и я. Это был приятный и опытный специалист. Он, когда приезжал во Францию, обязательно заходил ко мне, чтобы посмотреть новинки, поговорить, что-то обсудить.

– Это моя работа, а Мисаки перепродаст эти картины. Он спекулянт.

– Это не наше дело. И куда на этот раз?

– Еще не знаю, надо подумать. Ты без меня справишься?

– Нет, конечно.

– Я вот тобой все больше восхищаюсь. Чтобы я без тебя делал!

– Видимо то же самое, но с другой.

– Ты на что намекаешь?

– Уж, точно не на разбитое сердце. Хорошо, что я замужем.

– Одно другому не мешает.

– Не с тобой. Если в тебя погрузиться, то уже не вылезешь.

– Да, я такой. Трясина, одним словом.

– Вот потому и один.

– Все, началась критика. Что-то давно я не видел Николая.

Элен усмехнулась. Я подошел к ней, приобнял и поцеловал в волосы: – Я завтра буду. Жди.

Выйдя из галереи, я поехал в направлении Монмартра, где у его подножия и оставил машину. Поднимаясь в гору, я увидел будку телефона-автомата и зашел в нее. Едва снял трубку, как к будке подошел мужчина средних лет, невысокий, плотный. Был ли это случайный желающий позвонить или он хотел засечь набираемый мной номер, я не знал. Я быстро нажимал клавиши, используя отработанный метод, которому меня учили, готовя к работе во время практических занятий по наружному наблюдению. При наборе номера я быстро менял пальцы руки, и это практически неуловимое движение, позволяло не дать возможности понять, ка-

кой номер я набираю.

После непродолжительных гудков, мне ответил женский голос:

– Ароматы для дома, слушаю вас.

– Мне нужен месье Давид. Это Филип.

– Его нет, но он передал мне, что ему позвонят. Извините, мы не можем выполнить ваш заказ, но что-то похожее он видел в «Галери Лафайет».

– Спасибо, – ответил я, и повесил трубку.

Вот и все. Коротко и ясно. Тайник в «Галери Лафайет». Оставалось извлечь его. Дело, в общем, не сложное, но требующее осторожности и внимания. Тайник был в туалете. Два – три человека, если знали о закладке, могли отследить, что информацию изъяли. Для этого достаточно меняясь заходить в кабину, после каждого посещения незнакомца, и проверять, исчезло то, что заложено, или нет, а дальше сопроводить того, кто изъял. Гарантий, что тайник чист, мне никто не давал, а потому надо было принять соответствующие меры.

Поднявшись на Монмартр, я зашел в небольшой магазин по продаже картин и прочих «видов искусства», к коим относились и сувениры в этом магазине. Покупателей в магазине не было, за небольшим столиком у окна сидел мужчина и, скучая, читал газету. Это был Николя. Когда прозвенел колокольчик, открываемой мной двери, он поднял голову и добрая, приветливая улыбка осветила его скучное лицо,

словно блудный сын вернулся в родные стены.

– Ты будто возник из моего кошмарного сна, – пробурчал он вместо приветствия. – Я уже думал, с тобой что-то произошло. – Он поднялся: – Ты ли это? Где тебя носит? Когда остепенишься?

Николя, мой друг, владелец художественного магазина, здесь же Монмартре. Было ему за шестьдесят, но это не мешало нам дружить. Был он среднего роста, с круглым лицом, на котором выделялись чуть отвисшие щеки, а с волосами на голове, как он сам говорил, давно расстался. Небольшой живот свисал поверх ремня брюк.

– Не надо так много вопросов, – ответил я, улыбаясь ему в ответ. – Я их просто не успеваю запомнить.

– А! И не надо, – махнул он рукой. – Я и так все сам тебе скажу. Пошли, посидим, выпьем вина, – сказал он утвердительно. Николя позвал свою помощницу, чтобы присмотрела за магазином, и мы направились в наше кафе, что располагалось на площади Тертр (Place du Tertre). Расположились мы на веранде, куда нам сразу принесли бутылку вина, зная наши пристрастия, и два пузатых стакана. Николя взял бутылку и стал наливать вино, которое издавало булькающий звук, наполняя стаканы, а затем, он приподнял свой стакан в знак приветствия, я сделал также.

– Так, где был?

– Как всегда ездил. Дела

– Ты так часто исчезаешь, потому что твой дом пуст, –

произнес он, отпив из стакана. – Ты там один. Ты еще не стар и твой дом должен наполняться голосами, тогда ты будешь чаще в нем бывать, а ты его наполняешь мыслями, от которых сам и бежишь. Дом мыслями не наполнить.

– Тогда я буду убегать от голосов, – засмеялся я.

– Это только, кажется, – и немного помолчав, продолжил говорить, но я уже погрузился в свои размышления, под его тихое ворчание, по поводу моего исчезновения, и прочего.

– Жан! Ты меня слышишь? – вдруг донесся до меня голос Николя, и я выполз из своих мыслей. – Ты куда пропал?

Мне было от чего погрузиться в мысли. Кто ставил сигнал, кто закладывал информацию, я не интересовался, и встречаться ни с кем не хотел. Это была моя страховка от провала. Предают только свои, и поэтому меня не знали в лицо. Информацию я извлекал в зависимости от ситуации и места, иногда изменив свою внешность, кто знает, вдруг кто-то окажется, слишком любопытен. Сам ли он или его коллеги. У меня было достаточно недоброжелателей, но часто они не знали, что я – это я, Жан Марше. Их сложно судить. Мир меркантилен и деньги часто перевешивают чашу весов, на которой лежит моя безопасность и свобода, хотя, что греха таить, я тоже меркантилен и относительно состоятелен, что дает возможность свободы. Все свои операции продумывал сам, сам и финансировал. Я был независим. Чем плох нелегал, живущий во Франции много лет и никому почти не известный, не требующий денег, к тому же я оказался не пло-

хим бизнесменом. Но я сам выбрал это путь, и сворачивать с него уже поздно, да и не хотелось.

Так вот, я думал, что мне приготовили на этот раз, и вопрос Николая вызвал меня из моих мыслей.

– Да, здесь я, здесь,

– Да? Тогда повтори, что я сейчас сказал.

– Дела мои не так плохо идут и можно думать о расширении, но мучают два вопроса. Первый – надо ли мне это? Хотя соседний магазин продается и можно объединить, да и будет чем заняться. Второй – где взять деньги, не обнуляя счет? Верно? – задал я ему вопрос, повторив все, что он говорил только что.

– Да, я сам не смог бы повторить все, что только что говорил. Ну и память.

Откуда ему было знать, что, даже погружаясь в мысли, я не отключал память и слух. Меня этому учили, и учили достойно. Только дома я мог быть самим собой, а чаще был тем, кем был.

– Я еще молодой.

– Это, верно, – вздохнул Николая. – Я вот тут, как-то был на окраине...

– Да ты что!?! – перебил я, зная, его нежелание куда-либо спускаться с Монмартра. Да и что ему было делать в другом Париже. Он был давно разведен, жил один, а были у него дети или нет, он не знал, во всяком случае, никто не объявлялся, хотя племянников и племянниц он баловал.

– Старый друг позвонил, пригласил, вот я и решился. И знаешь, я увидел, как помолодел Париж. Это у меня годы оставляют отметины на лице, и все заметнее.

– Не у тебя одного. Ты еще в хорошей форме.

– Все относительно, но память вот, не как у тебя уже, но ты моложе и у тебя в голове больше места. А моя память, как старый чердак забита всяким хламом, и пока ищешь нужную вещь, либо забудешь, зачем она, либо найдешь по пути то, о чем давно забыл, и уже не до того, что ищешь.

– Это у всех бывает, не зависимо от возраста, – лениво ответил я, потягивая вино, – а что касается твоих сомнений, то, может быть, я помогу.

– Ты серьезно?

– Почему нет? Правда, я об этом только сейчас подумал, когда произнес. Мне пора. Подумай и ты.

Я поднялся, положил деньги на столик и подвзглядом Николая, выставил ладонь вперед, пресекая его возражения об оплате: – Еще увидимся. Пока.

Я вышел с веранды и, смешавшись с толпой туристов, осаждавших магазинчики, художников и закусочные, спустился вниз по улице Кальвадор, к улице Габриэль. Подошел к своей машине, но садиться не стал, а направился на свою другую квартиру, откуда вскоре вышел мужчина лет пятидесяти, скромно одетый, чуть сутуловатый, с небольшим еле заметным шрамом на левой щеке. Я умел перевоплощаться, иногда, это было необходимо.

– Не теряй свои навыки, и тогда риск снизится, – говорили мне. Кроме способности перевоплощаться, я умел внимательно наблюдать. – Ты должен видеть все, слышать все.

Это я умел, и сегодня продемонстрировал это Николая. А что я ему мог еще продемонстрировать в качестве своих навыков и привычек? Я научился даже не привыкать к людям. Мне говорил Ветров, мой наставник по учебе, что «в том мире, куда ты отправляешься, все иначе. Там ты будешь заботиться о себе только сам. Иного не дано. Там, в твоей иной, новой жизни, нет места для других людей. Как бы ни было, они только все усложняют»

И вот я выбрал иную жизнь, в которой не было близких мне людей. Я не хотел привыкать, и чтобы привыкали ко мне. Я чувствовал ответственность, не подпуская к себе близко никого, оберегая их от проблем, порой не совместимых с жизнью. Были иные нелегалы, которые работали парами: муж и жена. Были и те, кто женился уже на месте. Но все это было не для меня. Сложно жить, каждый день, обманывая человека, с которым живешь.

Тогда Ветров, увидел во мне потенциал и вмешался, предложил нечто большее, чем простую гражданскую жизнь. Я ее и получил, эту новую жизнь, которая, как ни странно, подошла мне или я ей, хотя тогда, когда давал согласие, еще не осознавал этого. Мое истинное «я» было скрыто, и я овладел искусством жить в тайне, в одиночестве. Хотя не чурался женщин. Я научился быть другим, научился перевопло-

щаться, сливаясь с окружающим миром. И в этом мире, моем мире, другим не было места возле меня.

В «Галери Лафайет» всегда многолюдно. Я потолкался в толпе, поднялся на шестой этаж и зашел в Lafayette Café, откуда открывался восхитительный вид на Париж, взял венскую выпечку, кофе, и, наслаждаясь, посматривал по сторонам. После кофе, там же, на этаже, я зашел в туалет, остановился у зеркала, ополоснул руки, наблюдая, за теми, кто заходит в кабинки. Нужная кабинка освободилась и я, зайдя, запер дверку, и, нащупав под трубой унитаза маленький целлофановый пакетик, отлепил его. Выдержал паузу, спустил в унитаз воду, и лишь затем вышел, направившись к умывальнику, повторив процедуру мытья рук, проверяя, кто войдет следом за мной. Никто не вошел. Я еще побродил по переходам, заглядывая в магазинчики, и лишь убедившись, что в мое поле зрения никто подозрительный не попал, вышел на улицу. Вернулся на ту же квартиру, чтобы прочитать информацию и вернуть себе прежний вид. На небольшом листке бумаги было зашифрованное сообщение. «Необходимо отправиться в Швейцарию. В Женеву. По прибытии дайте телеграмму. Необходимо забрать информацию», а также было указано время и место встречи, если для меня будет в этом необходимость. Решения я принимал сам, но вот в роли курьера еще не выступал, видимо там есть проблемы.

Коротко и ничего не ясно. Куда дать телеграмму, от кого и кому я знал. Значит то, что мне предстояло добыть, нахо-

дится под колпаком, было для меня ясно. В зависимости от ситуации мне и скажут, что и зачем.

Когда я вернулся к машине, то вечер уже вступал в свои права, и улица была более оживленной, чем днем. Стоял погожий вечер и парижане спешили по делам, просачиваясь сквозь толпы туристов, которые останавливались поглазеть на витрины. На открытых верандах, за столиками кафе, посетители нежились в лучах заходящего солнца, любуясь городом. Они смеялись, разговаривали, помешивали кофе, пили сок. Париж заражал своим праздничным настроением каждого, а праздник в Париже каждый день, для того, кто его хочет.

Такая атмосфера не располагала к домашнему затворничеству, и я сев в машину, направился в бар к Анри.

3

День подходил к концу, уже начало смеркаться. Шум уличного движения не стихал, даже в это время суток. Теплый воздух был пронизан пылью и запахом выхлопных газов, который отскакивал от домов и асфальта, тащась вслед за автомобилями. Из открытых дверей ресторанчиков и кафе доносилась музыка, и я чувствовал приятный запах кофе и выпечки. Ехал, медленно опустив стекло и наслаждался этим шумом и запахом Парижа, который я не просто чувствовал, я его ощущал. Настроение было лирическим и требовало эмоционального адреналина.

Место для парковки нашлось возле бара, и вскоре я вошел в помещение. Мне нравилось здесь: уютная обстановка, слабый полумрак, так чтобы можно было видеть лицо собеседника, не напрягая зрения. Бежевые стены были разбиты на квадраты, в которых часть занимали зеркала, а часть была завешана гобеленами и картинами импрессионистов. С потолка свисали медные люстры. Я познакомился с Анри, когда он делал ремонт бара, и подбирал картины в магазине Николая, чтобы повесить их в зале. Осмотрев помещение, и кивнув нескольким знакомым, прошел к барной стойке, за которой стоял Анри.

– Привет, Жан, Что будешь?

– Сок.

Он кивнул головой и, поставив на стойку высокий стакан, наполнил его наполовину виноградным соком.

– Ждешь, кого или просто так? – поинтересовался он.

– Просто так. Поговорить, если будет с кем.

– Ну, этого добра у меня хватает, – улыбнулся он.

В баре Анри были постоянные клиенты. Многие знали друг друга и, как и сейчас, сидели за столиками, в беседе коротая вечер.

Боковым зрением я увидел, что на барный табурет, рядом со мной села женщина, повернул голову – это была Жаннетт, женщина, что надо: рыжие, как, будто взлохмаченные волосы, красивые губы, а ярко выделявшиеся черные глаза, внимательно посмотрели на меня.

– Привет, Жан.

Мы были знакомы, и иногда встречаясь здесь, разговаривали, не вдаваясь в личные темы. Я окинул ее взглядом. У нее были длинные стройные ноги, практически идеальная фигура с красивыми бедрами, которые обтягивало темное, короткое платье, треугольный вырез которого, открывал моему взору безупречную грудь. Она закинула ногу на ногу, и я понял, что ноги у нее от самых плеч, и показавшийся краешек чулка, на стройной ноге, лишь подтвердил, что на такие ноги, длины чулок не хватает. На эти ноги я и уставился. Затем поднял голову и встретил ее насмешливый взгляд.

– На тебе слишком много надето, – сообщил я ей.

– Я знаю. Это намек?

– Грубая попытка.

– Сделай ее нежнее, – посоветовала она,

Анри поставил перед ней бокал красного вина и улыбнулся глазами. Бармены все слышат и видят, и лишь делают вид, что очень заняты. Когда она ко мне обращалась, я заметил ее грустные глаза.

– Я вижу грусть.

Она легко вздохнула: – Если бы только она.

– Такая красивая не должна грустить. Я тебя такой не видел.

– Такая красивая должна как-то жить, а это не так просто, как иногда кажется. Я приняла решение, но боюсь ошибиться и выйти замуж не за того человека, надеясь на то, чего

там нет. Пусть я слишком цинична, Жан, но ты бы удивился, если бы узнал, как много девушек выходит замуж, чтобы иметь дом, семью. И все.

– Я удивился, – ответил я, и в голове мельком проскочило, что я уже не первый раз слышу подобное, когда знакомые женщины сообщают мне о предстоящем замужестве, словно предлагают мне участвовать в их выборе. Звучало это так, что они вынуждены это делать и тайно надеялись, что я их спасу от этого поступка. Но я точно не был спасителем в этой области человеческих отношений, и уж тем более, не собирался предлагать себя в качестве альтернативы.

– Ты женат?

– Нет, – покачал я головой, – и пока не собираюсь. Значит, ты сделала выбор, но сомневаешься. Он знает о твоих сомнениях?

– Нет, разумеется, но сомнения касаются только чувств, а так он надежный.

– И ты пришла, чтобы поведать свои сомнения бокалу? – кивнул я на вино.

– Я пришла, чтобы не быть одной. Он уехал на два дня, а я решила, что не помешает окунуться в иную атмосферу, и кто знает, может быть, разобраться во всем. Надо ли мне все это?

– Да, сложное решение, но ты классная девушка и не останешься одна в любом случае.

Жанетт усмехнулась: – Класс – качество, которое легко

растворяется в вине.

– Мне остается только предложить помощь, чтобы проверить, не потеряла ли ты класс и разобралась в себе.

Жанетт взглянула на меня. В ее глазах блеснули искорки дьявола, в которых я увидел желание и похоть, и она без тени смущения произнесла: – А это мысль, и очень не плохая, но я подумую.

В это время в зеркало, что было позади Анри, я увидел входящую в бар женщину, которая была мне знакома. Я не знал, как ее зовут, но это была та, из галереи. Сейчас она была одна. «Ну, вот, – подумал я, – веду разговор с одной, а не прочь познакомиться с другой».

Незнакомка окинула взглядом зал, высматривая кого-то, и, не найдя, направилась к стойке.

В зеркало я увидел, что на ней была черная кожаная юбка, кожаный жилет поверх голубой блузки, и короткие сапоги на высоких каблуках, цокавших по полу бара. Подойдя к стойке, она произнесла: – Красный мартини.

– Извини, – обратился к Жанетт. – Клиентка, – и повернулся к незнакомке. – Добрый вечер.

Та посмотрела на меня удивленно и, узнав, мило улыбнулась: – Добрый, вот уж не ожидала встретиться.

– Париж маленький город, но скорее всего это внутренние импульсы. Вы специально пришли одна? – провоцировал я ее.

– Нет, скоро подойдет мой коллега.

– А вы можете уделить мне несколько минут? – попросил я.

– Разумеется.

– Я вернусь, не уходи, – сказал я Жанетт, и направился вслед за незнакомкой к столику. Она шла легко, бедра, обтянутые юбкой, чуть покачивались. Когда мы разместились за столиком напротив друг друга, то я обратил внимание, что глаза ее стали почти черными.

– У вас изменился цвет глаз, – поделился я наблюдением.

– Вы заметили, какими они были днем, – сделала она вывод. – Да, они имеют свойство меняться. Что вы еще заметили? – Она сидела не шелохнувшись. Глаза ее были темные, как греховная ночь. Ничто не могло обмануть красоты этой женщины. Да, сделал я вывод, она могла сильно измучить мужчину, если попасть к ней в ловушку, но не меня.

Когда я начинал разговор с незнакомым человеком, как сейчас, я сосредотачивался на голосе собеседника. Я слушал, что он говорит, как произносит слова, и тогда определял, в каком он настроении. Ошибки бывали, но редко. Эта незнакомка вела себя уверенно, спокойно, но в тоже время в ней была игра, начатая еще в галерее, она флиртowała, уверенная, что выиграет.

Я не собирался ее разочаровывать в отношении себя, а потому ответил: – Я думаю, вы иностранцы. Седовласый слишком строго одет для француза, особенно днем, да и акцент есть.

– И откуда мы?

– Зовите меня просто, Жан, – предложил я, чтобы сократить дистанцию общения.

– Анна Гранди.

– Что-то похоже на Швейцарию.

– Bravo! – И Анна, взяв бокал с мартини, отпила. – Все верно. Наш старший спутник – господин Биш, сотрудник консульства, а Ули Пикар, мой коллега. Мы с Ули приехали по делам и завтра уже уезжаем, а в салон зашли, потому, как нас попросил Биш, я его знаю через своего отца. Ему надо картины в консульство, вот он и попросил нас составить ему компанию. Мы просто знакомы.

– Вы разбираетесь в картинах?

– Нет, просто смотрю, нравится или нет.

– А Ули?

Анна засмеялась: – Тем более. Для искусства нужно воображение, а он ввиду отсутствия большого воображения честен, но зато, это важно для бизнеса.

– Согласен, когда смотришь на картину, то судить о ней можно лишь тогда, когда чувствуешь, что у тебя что-то происходит внутри, и дает волю воображению.

– А как ты определяешь, что искусство, а что нет?

– По цене, – ответил я с улыбкой. – Чем выше цена, тем больше ценность картины. Кто-то сказал «в мире есть две вещи, которые имеют ценность – информация, и произведения искусства, все остальное имеет стоимость».

– Но ты, же сам назначаешь цену, – засмеялась Анна.

– Действительно, – придал я выражение изумления своему лицу. – Значит, я и определяю ее ценность, – ответил я игриво.

– Вот они скромные вершители мира искусства.

– Да, мы такие тихие. Вот, возьми, – и я протянул ей визитку. – Звони, приходи, и в тишине, я расскажу тебе о мире искусства.

– И все?

– Может быть, я даже нарисую тебя, – сказал я, придав фразе иной смысл.

– Не сомневаюсь, в каком виде я должна быть. У тебя талант художника?

– Совсем нет, но захотелось, – и коротко засмеявшись, прошептал. – Это было бы забавно. Ну, а если я буду в Швейцарии...

– Зачем? Ищешь таланты?

– А что нельзя? – спросил я сухо.

– А почему ты злишься?

– Это мой очередной трюк. Их у меня много и все коварные.

– Ну, что же коварный, Жан. Приедешь, звони, – и она достала из сумочки визитку, протянув в ее мне. На визитке было только имя и телефон.

Знала бы она, сколько у меня трюков в арсенале. Без них я был бы просто гол.

– Это трюки коварные, а сам я прост, – поделился я. – Я вижу то, что вижу и не пытаюсь в отличие от большинства видеть только то, что хочу видеть. Я не упрощаю мир, чтобы найти подтверждение собственному видению. Сейчас я вижу красивую женщину, которая чего-то хочет, но не знает, как это взять.

Анна удивленно смотрела на меня, а когда я закончил фразу, сказала: – Первое неверно. Что я хочу я знаю. Второе, как это получить, действительно вопрос, – в ее глазах я прочитал вызов.

– Может быть, потом получится, – сделал я предположение, которое она поняла.

– Не исключено.

– Надеюсь, а пока я вижу вошедшего в бар вашего спутника – Ули.

Я действительно заметил, как он вошел и осматривает зал. Заметив Анну, он направился к столику: – Приятная встреча, – произнес он. – Я не помешал?

Вопрос был чисто из вежливости. Покажите мне мужчину, которого ждет такая женщина, и чтобы еще кому-то мешать при этом. Я бы выбил нахала из бара.

– Я развлекал вашу даму, но мне пора, – поднялся и, попрощавшись, направился к стойке, где Жанетт не позволяла занять мой табурет. Это приятная, неожиданная удача, что в Швейцарии у меня теперь есть еще знакомая, кроме искусствоведов, и есть повод появиться там.

– Отказала, – сочувственно произнесла Жанетт, но в ее голосе я уловил нотки ревности.

– Даже не пытался. Они сегодня были в моем салоне, вот мы и поговорили об искусстве, – делал я вид, что оправдываюсь.

– В жизни есть вещи, поважнее искусства.

– Не могу не согласиться, особенно сейчас.

Мы еще посидели, поговорил на пустые темы, и я понял, что пора: – Я собираюсь домой. Тебя проводить?

– Это, смотря куда.

– Вот и решим.

Я рассчитался, и мы вышли на улицу. Небо над городом походило на раскинувшийся темный свод. Звезд не было, они вообще редкость в небе Парижа, а тут еще накрапывал мелкий дождь и под ногами блестел мокрый асфальт.

Я не спрашивал Жанетт, куда ей надо, а открыл дверь машины. Она, без слов села на переднее сиденье, я сел за руль. Мотор завелся легко, и мы устремились по ночным улицам Парижа, освещаемых рекламой и фонарями. Дворники счищали со стекла капли дождя. Жанетт прижалась к моему плечу, и путь до моего дома мы проделал молча. Она погрузилась в себя.

Дома я предложил ей пройти в комнату, а сам без суеты и спешки, двинулся на кухню, где достал из холодильника бутылку шампанского и, прихватив два фужера, вернулся в комнату к Жаннетт. Она стояла возле окна. Ее изумитель-

ная фигура, обтянутая коротким платьем, четко выделялась в слабом свете бра, висевшего на стене. Я затаил дыхание. Жанетт рассматривала гобелен, мгновение спустя, одной рукой она поправила волосы, и в этом легком движении чувствовалось что-то неуверенное, но в остальном я чувствовал, что она исполнена решимости, словно собиралась сделать что-то важное. Увидев меня, она улыбнулась.

– Мы не сказали ни слова с тех пор, как вышли из бара.

– Я не хотел тебя беспокоить, чтобы ты сама решила.

– Ты, видимо, без лишних слов намерен уложить меня в постель. Так?

– Такая мысль не покидает меня.

– И ты думаешь, что от бутылки шампанского я превращусь в женщину легкого поведения? – насмешливо спросила она.

– Про поведение не знаю, а отношения, да.

Жанетт посмотрела на меня: – Пусть в этом доме останутся только приятные воспоминания обо мне, и я бы хотела, чтобы было, что вспомнить. И если у меня есть грезы, чтобы они не умерли.

– Ты находишь, что сегодняшней вечер – грезы?

– Я всегда нахожу то, что ищу, но, увы, когда нахожу, порой не понимаю, зачем искала.

– И сейчас?

– Нет.

Она подошла ко мне, взяла у меня бутылку, фужеры и по-

ставила на стол, прижалась ко мне, и я почувствовал ее упругое тело, которое горело даже сквозь платье.

– Не надо заливать вином, огонь души, пусть выгорает, – прошептала она.

– Когда душа выгорает, всегда что-то остается.

Уснули мы, когда стало рассветать. Жанетт была восхитительна. В ней чувствовалась не растроченная страсть, как будто она берегла ее специально для этого дня, а может быть, понимала, что должна отдать, так как не была уверена, что потом сможет также, и она отдавала себя неистово.

Утром я сварил кофе, и мы сидели на кухне за столом.

– Еще вчера вечером я была на грани истерики, и была готова, бросить жениха, но утром разум просыпается, и гасит чувства. Если бы все произошло между нами раньше. Ты хотел этого?

– Конечно.

Я не лгал, но и не мог сказать ей, что наши отношения не могли бы быть длительными. Зачем мне эти расставания с обидами. Я себе этого не мог позволить. Ночью все было взаимно, без намеков на продолжение, и она это знала, что устраивало обоих.

– Боялся, откажу? – усмехнулась она.

– Нет, но не ставил это целью.

– А зря, хотя, может быть, и правильно, – кивнула она головой. – Ты должен жить один, иначе ты не сможешь, а жен-

щина рядом с тобой всегда будет думать, что ты не полностью ей принадлежишь. В тебе живет смесь страсти и холодности. Ты не ищешь женщин, они сами тебя ищут, но не все находят, как я. Знаешь, у тебя для твоего возраста удивительно красивое тело, нет даже намека на жир или складки. Это удивительно. Во всяком случае, я не жалею о своем вчерашнем порыве.

– Очень на это надеюсь. Тебе теперь легче выбирать?

– Из кого? – фыркнула она. – Выбор был «да» или «нет», и я выбрала.

– Вот и умница.

Я поддерживал разговор, чтобы не молчать, но вскоре она стала собираться, оделась, и я вызвал ей такси. Прежде чем уйти, она сказала: – Удачи. Может быть, когда-нибудь, еще... – и не закончив фразу, вышла.

Я, с неким чувством облегчения, вернулся на кухню. Посмотрел за окно, где светило нежаркое солнце, небо было чистым, что улучшило настроение.

Я прошел в душ, где стоял, раскинув руки, уперев их в стены, минут двадцать. Вода стекала по голове, телу. Стоял неподвижно, и это помогало мне вырваться из прошлого, куда меня возвращала память, где я часто лгал другим и самому себе, где не мог быть откровенным и искренним. Мои чувства к женщинам были искренни, но на короткое время. Я был на мгновение тем, кем хотел быть – собой. Выключив душ, я, медленно растираясь полотенцем, вспомнил сло-

ва Жанетт о моем теле. А как иначе? Моя профессия требовала отличной физической формы. Я должен быть всегда готов к забегу на длинные дистанции. Вот только не знал, где финиш.

Вот я и поддерживал форму, занимался дома, в спортивных залах, которые арендовал, где отрабатывал технику рукопашного боя, отрабатывал технику стрельбы «флэш», которая спасла мне жизнь, но свою отдал мой учитель. Его послали за мной, когда я срочно покинул одну из стран, но я опередил его. А то, что он пошел, так он не знал, что это я, да если бы и знал. Он был наемный убийца, и это была его работа, а у меня была своя. Меня учили не убивать, а выживать, а если и убивать, то только по здравому смыслу. Это только кто не сталкивался с убийством, может подумать, что убивать легко. Нет. Но мне приходилось это делать, чтобы сохранить свою жизнь, которую хотели прервать. А та жизнь нелегала это не приключения из погонь и перестрелок, это рутина, ежедневная рутина из наблюдений, анализа и прочих не самых интересных вещей.

Выйдя из душа, я решил, что не буду готовить завтрак и покупать круассаны в булочной. С улицы, через приоткрытую балконную дверь, доносился приглушенный звук парижского утра, а солнечный лучик дерзко пробивался сквозь шторы. Я чувствовал себя превосходно, несмотря на почти бессонную ночь, и решил, что лучше позавтракать в кафе на улице. В это время там тихо и малоллюдно, и там я могу

устроиться за столиком с чашкой кофе и газетой. Это доставляло мне истинное наслаждение.

Признав, что решение правильное, я оделся и вышел из дома под ласковое солнце.

4

– Элен, я решил куда поеду, – заявил я с порога, едва вошел в галерею, и замолчал, в ожидании вопроса, но она лишь смотрела на меня спокойным, ироничным взглядом. В ее глазах не было даже любопытства, только уголки губ чуть изменили ее красивые черты лица. Подойдя к ней, я плюхнулся на диван, и сдался: – Твоя взяла, ты даже не интересуешься, куда я поеду, с вкрадчивой улыбкой произнес я. – Почему Элен? Неужели, тебе все равно?

– Ты сам все расскажешь, – улыбка ее стала шире.

– Неужели, я настолько предсказуем?

– Вот уж, точно нет. У меня иногда возникают подозрения, а человек ли ты? С виду обаятельный, остроумный, но что у тебя внутри, даже боюсь представить. Я чувствую, что ты можешь быть жестким, заметь не жестоким, а именно жестким, и я бы сказала, бессердечным. Нет, предсказать тебя невозможно, и... в этом есть твоя привлекательность.

– Элен, – я положил руку на сердце, придал голосу некую обреченность, как человек, который рассчитывает, что его если и не поймут, то простят и поверят, и с некоторой долей надежды, глухо произнес. – Поверь, у меня в груди бьется простое человеческое сердце, доброе и очень горячее. Хо-

чешь послушать?

– Нет, ты не человек, а ошибка природы, – засмеялась она, – но вынуждена признать, что очень милый.

Я притворно вздохнул: – Спасибо, дорогая, за любовь. Но к делу. Я решил поехать в Швейцарию, и близко, и тихо, и уютно.

– Почему такой выбор? Зная тебя, не думаю, что ты, закрыв глаза, ткнул пальцем в карту мира. Это для тебя слишком просто.

– Ты права, не было у меня времени тыкать в карту, да и карты у меня нет. Помнишь, вчера у нас было трое клиентов, те, что купили две картины? – И не дожидаясь ответа, продолжил: – Вчера вечером, в баре у Анри, я встретил ту, единственную женщину.

– Ой, ли! – удивилась Элен. – Ты ли это? Единственная! Для тебя? Это фантастика. Я даже не знаю засмеяться сейчас или подождать, что скажешь еще.

– Не передергивай и не омрачай мою мечту. Говоря единственную, я имел в виду, что среди тех троих была всего одна женщина, вот ее я и встретил. А ты что подумала? – и, выдержав паузу, сказал, огорченно: – Не хорошо так думать обо мне. Ее зовут Анна Гранди, и она швейцарка. Мы обменялись телефонами. Я пригласил ее к себе.

– И она согласилась? Жаль, не устояла, значит, – притворно вздохнула Элен.

– Не все так сразу, куда торопится. Потенциально, да, но

не вчера. Она пригласила меня. Вот я и подумал, а что? Похожу по городам, съезжу в Альпы, пообщаюсь с коллегами. Простой, незатейливый отдых.

– Не затейливый! Это ты говоришь мне? А чем она занимается?

– Понятия не имею. А это важно?

– Для тебя, видимо, нет. И когда собираешься?

Я придал своему лицу задумчивое выражение: – Не ранее, чем через неделю, так, что еще увидимся. Успеем проститься, а ты пролить свою скупую слезу мне вслед. Жаль я не увижу ее, но почувствую. Кстати, а картины они забрали?

– Еще нет. Хочешь ей позвонить и напомнить?

– Ну, да, буду я путать работу с отдыхом. У меня сегодня несколько встреч, если будет возможность, заеду, а нет, так нет.

– Вероятно, что нет.

– Ты золото, жаль, что я не встретил тебя ранее, когда ты была свободна.

– Тогда я точно не была бы здесь, а уже уехала из Парижа. Иди, – махнула она рукой.

Я послал ей воздушный поцелуй и вышел. Я был благодарен, что у меня бала Элен. Она вела все дела, а отблагодарить ее я мог только тем, что платил приличную зарплату, но и наши отношения добросердечности были не лишними. У меня действительно было несколько встреч. Меня приглашали в качестве эксперта, консультанта владельцы частных

коллекций, да и организации тоже. Особенно я пользовался спросом по китайскому направлению. В этом я разбирался очень хорошо, не зря изучал искусство Китая, когда был в своей первой поездке, выполняя свое первое задание. Воспоминания о той операции попытались привлечь мое внимание, но я их прогнал, не до них. Сегодня мне также хотелось навестить Николая. Кто знает? Будет у меня еще возможность увидеть его или нет, и не только потому, что было мало времени, но никогда нельзя быть уверенным, что вернешься обратно. Конечно, я мог завершить дела и раньше, чтобы поехать в Швейцарию, но ехать не подготовленным – непростительная ошибка. Мне необходимо было детально изучать карту Швейцарии, схему ее дорог, расписание поездов и прочего транспорта, план Женевы, ее улиц, переулков, да и других городов, так на всякий случай. И все это держать в памяти. Я не считал, что она у меня исключительная, но и не жаловался. Были случаи, когда приходилось запоминать много имен, цифр, чтобы хранить их не на бумаге или ином носителе информации, а в голове. Я мог полагаться только на свою память, чтобы пересечь границу, не подставляясь.

Учитывая, что я не выполнял задания близко от дома, а именно во Франции, то мне просто необходимо знать местность, где придется работать. При моей профессии надо быть готовым ко всему. Время на подготовку еще было, я пока не просчитывал возможное развитие событий, надо было настроиться, и уже на месте почувствовать ситуацию, и тогда

просчитывать варианты, и если надо, то уже на месте импровизировать. Без импровизации любой разведчик попадает в стандартную колею рутины, которая легко просчитывается, а значит, его действия предсказуемы, поэтому расчет и импровизация два фактора, которые необходимы.

В этот день встречи заняли достаточно времени, тем более что передвигался я на машине, а значит, неизбежно тратил время на стояние в пробках. Ближе к вечеру, когда деловая часть моего дня закончилась, я направился на Монмартр к Николаю. На этот раз, я решил, что не надо импровизировать свое появление, а просто позвонил ему, предложив встретиться в нашем кафе. Он с радостью согласился, во всяком случае, мне так показалось.

Когда я понимался на площадь Тертр, то солнце уже медленно опускалось к горизонту, и было не такое слепящее, как днем, а только мягко пригревало теплыми вечерними лучами. Небо было чистое и очень голубое, лишь иногда, время от времени, на нем появлялись полупрозрачные пушистые облака.

Николай уже сидел за столиком на веранде кафе, перед ним стояла бутылка нашего любимого вина, один стакан стоял уже наполовину заполненный, другой, приготовленный для меня, был еще пуст. Едва я подошел, он налил мне вина.

– День прошел удачно? – спросил Николай.

– Не плохо, – ответил я, усаживаясь в пластиковое кресло. – Ездил, консультировал.

– Раз приглашают – это хорошо. У тебя хороший глаз, наметанный, – похвалил он. – Я уже заметил, что ты видишь не просто картину в целом, ты видишь ее детали, от которых порой все и зависит. Не будь отдельных деталей, которые не замечают другие, и картина – посредственность.

– Это опыт.

– Опыт, – усмехнулся Николая. – Опыт, мой друг, не ко всем приходит. Некоторые умудряются его терять, словно носят воду в решете.

– Наверное. В нашей профессии умение замечать детали, очень важно, – согласился я, но не стал делиться с ним, какую профессию я имею ввиду. Не мог же я посвящать его в мысли шпиона. Мысли шпиона формируются посредством зрения, слуха и прочего, черт знает чего еще. Мысли шпиона должны быть тонкими, словно лазерный луч, и не вызывать колебания воздуха словами, предназначенными не для всех. Вслух же я сказал:

– Думаю человеческий глаз – очень чувствительный прибор, которым наделила человека природа, но он способен воспринимать только внешнюю сторону. Наш взгляд скользит по картине, по ее поверхности, но некоторые из нас ограничены субъективным восприятием, пропуская все через свое «я», которое и ограничивает то, что мы видим, приспособивая к действительности, которую мы и ждем, потому что знаем ее. Но нам, профессионалам, надо видеть, как свет падает, и уже под другим углом замечать некую иллюзор-

ность действительности.

Я замолчал, а Николая внимательно смотрел на меня, а затем изрек, сверкнув улыбкой: – Сам придумал?

– Отчасти. Приходится напускать словесный туман клиентам, чтобы выше, а значит, дороже ценили, да и зачем я тогда нужен? Но вот на то, что могу замечать детали, не жалею. Надо видеть вокруг себя, все детали. Мир так прекрасен, вдруг что упущу.

– Детали, говоришь. Прекрасен, – и он, ехидно прищурившись, спросил: – Сзади тебя, за столиком, сидят две девушки. Они уже сидели, когда ты пришел. Что на них надето?

Я собрался повернуться.

– Не надо, – засмеялся Николай.

– Ладно, – не стал я настаивать. – Брюнетка в черной блузке, легкая темно-синяя куртка, джинсы. Ее подруга – шатенка, в платье, нежно зеленого цвета, и светлой куртке. Что еще?

– А мужчина справа?

– Около ста килограммов, темно-коричневый пиджак, бежевая рубашка. На макушке лысина. Лицо одутловатое, двойной подбородок. Шрамов нет.

– Не плохо. А как насчет дырки на пятке носка?

– Извини, забыл снять с него ботинки.

– Это очень беспечно с твоей стороны, – и мы оба от души засмеялись.

– Ну, что? Я прав, ты очень наблюдателен, потому что тебе

это необходимо. Потому ты и профи.

«Конечно, профи, – подумал я про себя. – А как иначе?» Как только я извлек информацию из тайника, я стал более осторожен, и нужно было быть начеку, наблюдать за всем, что вокруг меня. Неожиданности на то и неожиданности, что приходят, не спросив разрешения.

– Да ерунда все это, – поделился я. – Любое произведение искусства, надо чувствовать. Я лишь могу обратить внимание на детали. Каждый художник, скульптор, когда творит, вкладывает свои мысли, а какие не известно, да и не надо мне. Не надо искать в искусстве рациональное, разумное. Надо чувствовать и все.

– «Разум ищет, сердце находит», говорила Жорж Санд, – процитировал Николая известную французскую писательницу.

– Это лирика. Я что предложил встретиться. Я уезжаю в Швейцарию. Так, побродить. Посчитал нужным сообщить об этом тебе, чтобы ты не расстраивался о моем исчезновении.

– Один?

– У тебя есть кто на примете для компании?

– Откуда. А вот твое одиночество напоминает мне отчаяние пьяницы, который любит компанию, но вот уже достаточно давно никто не наливает в его стакан.

– Я не буду один, – заверил я его, – а ты что не наливаешь?

Николя криво усмехнулся и наполнил наши стаканы: –

Кто бы сомневался. У тебя, я думаю, не бывает неудач в отношениях с женщинами.

– Я бы так не сказал.

– Это я сказал, – мечтательно произнес он. – Да и что такое неудача? Это обратная сторона удачи, и она дает шанс на успех в следующий раз. Так сказать задержка во времени.

– Пусть, так. Я, когда вернусь, мы обсудим твоё желание расширить бизнес, – перевел я разговор на другую тему.

Николя согласился. Солнце уже скрылось за крышами домов, и легкие сумерки окутали улочки Монмартра. Включили световые гирлянды и к царству потока людей, гуляющих по узким улочкам, добавилось царство теней.

Я попрощался с Николя и отправился домой. Как всегда, на улицах Парижа было много людей, которые наслаждались теплым весенним вечером, расположившись в барах и кафе. Уличные фонари уже зажглись; одно за другим озарялись окна, притягивая светом.

Ночь я провел в одиночестве, а потому хорошо выспался, и утро встретил бодрым и голодным. Заглянув в холодильник, решил приготовить себе плотный завтрак. Пожарил помидоры с грибами на оливковом масле, затем взбил три яйца, вылил их на сковородку, добавив сверху тертый пармезан. Я получал удовольствие от своего неспешного занятия – приготовления завтрака. Когда омлет был готов, то сел, на своем большом балконе, в одно из двух кресел, что стояли по обе стороны столика. Передо мной был небольшой дворик,

лужайка которого была покрыта ярко зеленой молодой травой. Листья деревьев отливали свежестью, а тишина нарушалась только щебетом птиц, сидевших на деревьях, и глухим шумом, доносившимся с улицы, закрытой от меня домами. После чашки крепкого кофе, я приступил к занятиям: разложил карты и стал изучать их. В Швейцарии я был, но не по заданию, и что-то помнил, но сейчас требовалось все закрепить.

Позже я отправился в город. Исключить себя из обычной действительности я не мог, это было бы подозрительно, поэтому я продолжал встречаться, когда приглашали, но вечерами сидел за бумагами.

Бывая в офисах, на улицах, я обострил свои чувства, тренировал зрение, стараясь заметить разные несоответствия. На слезку специально не проверялся, считая, что это сейчас без надобности, так как нельзя быть таким мнительным, так и с ума можно сойти, но и присматривал вокруг, тренируя память, проверяя навыки, полученные ранее и собственный опыт. Например, находясь в лифте любого здания, обращал внимание на вошедших. Я знал по своему опыту, что люди, обычные люди, следуют закрепленными в них правилами, и они закреплены у них в подсознании. Они следуют неким шаблонам поведения, неким моделям, и любой, кто делает это усердно, целенаправленно, выделяется, но лишь для наметанного глаза. В лифте никто не встает рядом. Никогда. Если в кабине несколько человек, то все неосознанно

располагаются по кабине так, что избегают зрительного контакта. И сели вдруг в кабину кто-то входит еще, то все перегруппировываются, и притом, так, чтобы дистанция сохранилась, не физическая, а зрительная. Это происходит всегда, словно их так учили, что надо отойти, сделать шаг, полшага, отступить. Но все это замечает лишь тот, кто обучен наблюдать, обычному человеку это и не надо.

То же самое и на улицах, возле витрин. Если среди зевак находится агент, то он нарушает естественный порядок. Он слишком внимательно изучает витрину, но заметить это может только профессионал с развитой интуицией. Я был профессионалом. К тому же у витрин есть очень интересная специфика: в них хорошо видно, как снаружи, так и изнутри.

За эти дни до отъезда я ничего необычно не заметил. Так прошла неделя. Я купил билет на поезд, который отвезет меня с Лионского вокзала Парижа до Женевы. Ехать не долго, около трех с половиной часов. Лететь самолетом быстрее, но мне хотелось полюбоваться пейзажами Альп, увидеть небольшие, словно сказочные, домики, да и подумать. В агентстве проката, я заказал автомобиль, чтобы передвигаться по Швейцарии. Его должны были подогнать к вокзалу.

Накануне отъезда, вечером, я зашел в салон, где обсудил с Элен, что надо делать, кто придет, что сказать, хотя это было лишним; она и так все знала.

– Я тебе сообщу, где остановлюсь. Будут вопросы, звони. Уверен, что как всегда, всё будет хорошо. Что пожелаешь?

– Как сказал Элвис Пресли: – «Если дела идут плохо, не идите за ними».

Порой лучшая реакция – отсутствие реакции. Я лишь слегка приподнял бровь, чтобы выразить свое удивление ее такой заботой. Этот обезоруживающий маневр длился несколько секунд, но этого вполне достаточно, чтобы я смог высказать свое мнение, от услышанного, и, после, не ответив, вышел.

5

На другой день, вызвав такси, я прибыл на Лионский вокзал, один из больших вокзалов Парижа, с которого отправлялись поезда в южном направлении. Меня всегда впечатляла его архитектура, а особенно, привлекала башня с часами, очень похожая на британский Биг-Бен, что на здании Парламента Великобритании.

Ехать предстояло три с половиной часа, и это давало возможность полюбоваться великолепным пейзажем Альп, думать о том, что меня ждет, было тратой времени. Мимо окон пролетали небольшие города, где дома стояли в ряд, словно памятники, но их наличие свидетельствовало, что городок существует, и в нем живут. Местами мелькали проселочные дороги, которые петляя, уходили в никуда, но вероятнее, всего в их конце стоял чей-то дом.

Ближе к Женеве дорога проходила между гор, и все пространство занимали только горы, куда хватало взгляда, а вы-

ше только небо. За пологими горами, вздымались горные пики, образующие причудливые исполинские изваяния природы, а самые высокие были хранителями ледников, источником чистой воды. Некоторые ледники всегда остаются под своими шапками из снега и льда, и каждая словно надела шапку. Кто бывал в этих горах, знает, что снега тянуться на много километров. Горы громоздились одна за другой и уже вдали, на горизонте, самих гор почти не было видно, они таяли в голубой сини неба, и видны лишь их очертания, словно призраки, восстали из недр и выделяются на фоне неба. Да, в этих горах легко было что-то потерять, или кого-то, так что не скоро и найдут, а если все сделать правильно, то и вовсе не найдут. Это надо помнить.

Строго по расписанию поезд прибыл на центральный железнодорожный вокзал Женевы – Конавен. По прибытии, никто не спрашивал документов, не проводил таможенный досмотр, хотя комната досмотра все еще существовала.

Я подошел к бюро по прокату автомобилей и предъявил свои документы.

– У меня заказ на аренду автомобиля.

Молодой мужчина, проверил мои документы и вежливо улыбнувшись, известил: – Ваша машина ждет вас на стоянке. Аренда на десять суток? Правильно?

– Да, но я могу продлить?

– Разумеется.

– Возможно, я захочу вернуться в Париж на машине.

– Никаких проблем. У нас там имеется отделение.

Он позвал из служащего, который проводил меня на стойку и подвел к ожидающему меня «Вольво», темно-зеленого цвета, и там передав ключи, и пожелав удачи, удалился.

«Да, удача мне не помешает», – подумал я и, положив сумку с вещами в багажник, осмотрелся, увидев красивый город, приветливый, залитый солнечным светом. Температура была не менее двадцати градусов. Вид улиц несколько отталкивал обилием проводов, висящих, как паутина. Сама же архитектура зданий была строгой.

Сев в машину, я направился в отель, где предварительно забронировал номер. Дорогу я знал, и торопиться было некуда, да и Женева не Париж по площади, все рядом. В зданиях улиц, превалировали банки, магазины, и чаще были видны часы, чем одежда. Вскоре я подъехал к отелю «Мандарин Ориенталь», что расположен в тихом квартале не далеко от центра на набережной Туретини, что тянется вдоль Роны. Я не хотел жить далеко от центра, потому, как здесь всегда много людей. С одной стороны это плохо, так как труднее заметить слежку, если таковая вдруг случиться, но и уйти легче. К тому же отель был большой около двухсот номеров, и не так заметны постояльцы, как в маленьких отелях. Номер был скромным, но уютным, с видом на реку. Приняв душ, я отправился на изучение города, карта в памяти хорошо, но практика лучше. Найдя телеграф, я отправил телеграмму в Париж, как и следовало парижанину.

«Мадлен. Женева восхитительна».

Кто такая Мадлен я не знал и не хотел. В центре узнают, что я прибыл на место, и теперь мне предстояло ждать сигнала и получить информацию. Места для передачи я знал, мне сообщили в шифровке, но важно не попасть под прицел внимания спецслужб Швейцарии и прочих. Женева – город шпионов, и каких только разведок здесь нет. А как иначе? Здесь и штаб квартира ООН, и Красный Крест и прочие международные организации. Вот все и трутся плечами друг о друга и не только плечами.

Звонить Анне я не стал, решил повременить и посмотреть город. Судя по номеру, что она мне дала, она должна жить в Женеве. Совпадение? Пусть так. Думать об умышленном не хотелось, слишком уж сложно. Я бродил по городу, запоминая улицы, заходил в антикварные магазины и салоны художников, которых множество на Большой улице, считающейся вотчиной для творческих людей. На улице Конфедерации и прилежащих к ней улицах и переулков, посещал бутики, зашел в универмаг Von Genie. Кто знает, где оставят информацию. Обедал я в «Центральном кафе», что славится французской кухней, особенно морскими и речными деликатесами.

И уже затем, направился назад в отель. На улицах было многолюдно, и я видел как туристов, так и местных жителей, которых определял сразу. Женева франкоговорящий кантон и здесь при встрече, вне зависимости от пола, приветствуя

или прощаясь с друзьями, местные жители целуют друг друга в щеку три раза. В остальных случаях с малознакомыми людьми, просто обмениваются рукопожатием и словами приветствия.

В отеле я зашел в бар, где разместился за стойкой, заказав очень крепкий кофе «Ристретто» и бокал красного вина. От временного безделья, обусловленного ожиданием получения информации, я решил скрасить свой досуг в баре, где устался на экран телевизора. Минут через пять краем глаза заметил, как на стул возле меня опустился мужчина. Мельком взглянув на него, я увидел, что ему было примерно лет сорок, коротко подстриженные каштановые волосы. Он заказал виски. Пригубив, мужчина, не глядя ни на кого, произнес: – Холодность и чопорность.

Я понял, что, говоря в никуда, он рассчитывает, что я его услышу, так как бармен отошел в другой угол стойки, а на человека, разговаривающего с собой, он похож не был. Я повернул к нему голову, и он, заметив мое движение, повернулся ко мне. У него были ясные, голубые глаза, взгляд которых был пронзительный, напряженный, и выдержать его мог не каждый. Потому как он был одет: твидовый пиджак, тонкий кремовый свитер, то его можно отнести к клеркам средней руки.

– Я говорю холодность, и чопорность живет в этих швейцарцах, – повторил он. – Скучно и одиноко.

Акцент выдал, что он американец.

– Почему? – поинтересовался я. – Я думаю, это просто подчеркнутое уважение к правам других. Доброта и вежливость – это основа взаимоотношений между людьми. Какая необходимость разговаривать с малознакомым человеком, открываясь ему. Они соблюдают дистанцию. А разве у вас американцев уважение к частной жизни не главная ценность?

– Откуда узнали, что я американец?

– По акценту. Мне доводилось бывать в Америке, – сказал я по-английски.

– Джон, – протянул он мне руку.

– Жан, – ответил я, и почувствовал сильное рукопожатие.

– А вы говорите по-английски лучше, чем я по-французски. Я бы даже не заметил акцента. А здесь что делаете? – спросил он прямолинейно.

– Отдыхаю.

– Один? – удивился он.

– Пока, да, но я только сегодня приехал.

– В горы поедете?

– Не исключено, – ответил я, еще даже не зная, как будут развиваться события.

– А я вот пока здесь завис. Не знаю, сколько пробуду. Приехал по линии Красного Креста.

– Вы врач?

– Нет, но близко к ним.

Что у него были здесь за дела не известно, но его взгляд,

был взглядом профессионала, но не очень высокого уровня, потому как не умел прятать свое внимание в глубине себя. Возможно, он был прислан под прикрытием для какой либо операции, а может быть, был просто одним из службы безопасности. То, что он подсел ко мне, я считал случайностью, так как ждать меня здесь никто не мог, во всяком случае, лично меня. Это было бы слишком. О том, что я вот сейчас здесь знал, пожалуй, только Всевышний, но и то, только в том случае, если он существует и моя персона ему интересна, в чем я сильно сомневался. Что касается разведки, даже если в Центре и был крот, то там не было моих фотографий и моего имени, что много лет назад предусмотрительно убрали. Таких одиночек, как я, единицы и их по мере возможности берегли. А может он был тем, кем был, но доверять на задании, я мог только себе, и, то с долей сомнения в действиях.

– И давно зависаете? – поинтересовался я, чтобы поддержать разговор.

– Уже неделю, но думаю перебраться ближе к своим согражданам, в другое место.

– Уйдя к своим, будете жить их жизнью, а здесь интернационал. Есть возможность интересных знакомств.

– Может быть ты и прав, но не я решаю, где жить, – сократил он дистанцию, перейдя на «ты». – А ты чем занимаешься?

– Я галерист. У меня салон в Париже. Иногда консультирую.

– Да, занимаешься, чем хочешь. Сам себе хозяин, – вымолвил завистливо Джон

Здесь он не лгал. Он был себе не хозяин, а вот про скуку лгал. Я умел отличать правду ото лжи, не всегда, но вероятность была высока. Всегда все было по-разному. Иногда по голосу. Голос Джона был слишком ровный, уверенный, даже наигранный. Так не говорят о скуке, а уж тем более получалось, что он чуть ли не сослан в Швейцарию. Глядя на человека, я всегда обращал внимание на его глаза, и в них всегда проскальзывает нечто, когда идет ложь. Всегда было что-то неестественное, которое усиленно хотели выдать за естественное. Задача лжеца в таких случаях притупить внимание, затуманить. Обычный человек, без моего опыта и не заметит ничего, потому, как чаще всего видит то, что хочет видеть. Как сейчас, этот скучающий американец. Я не мог себе позволить хотеть, а тем более проецировать желание видеть рубаху-парня. Надо воспринимать поступающие сигналы его лица. Вот и все.

– Но здесь не так плохо, – выразил я свое мнение, – не зависимо от цели нахождения.

– Да, иногда, вот как теперь, – оживился Джон и посмотрел за мою спину. – Посмотри на вошедшую женщину.

Я обернулся. В бар вошла женщина лет тридцати, в джинсах, свитере и куртке. Черные волосы блестели, как крыло ворона. Глаза были такие же черные, но блестели ярче. Широко расставленные скулы, пухлый рот. Она не была краса-

вицей с обложки, но ее лицо привлекало – чувственное, волевое, и в тоже время, как будто беззащитное и презрительное. Ростом была она выше среднего и с отличной фигурой, которая держалась на длинных ногах. Ее глаза пробежали по залу, скользнули и по нам, а затем она направилась к столу, за которым сидело двое мужчин лет под шестьдесят.

– Потрясающая женщина, не так ли?

Я взял свой стакан и ничего не ответил.

– Что молчишь? Жан, ты же не ханжа.

– Ну... Она, действительно, неплохо выглядит.

– Не плохо! Где у тебя глаза?

– На месте, в отличие от тебя. – Джон смотрел на женщину, как и некоторые другие посетители бара. – А что ты тогда сидишь? Вперед, подальше от скуки, к ней.

– Она неприступна, как старая английская крепость. Она англичанка, – пояснил Джон. – А эти англичанки одним своим холодным взглядом могут обратить мужчину в трепет. Она работает в Красном Кресте, а живет в этом отеле.

– И ты, поэтому здесь и задержался, – посмеялся я.

– Нет. Я бы лучше сбежал, – а затем вдруг улыбнулся. –

Я уже пробовал однажды...

– Ясно, – посочувствовал я ему. – Ищи подход.

– А может быть, ты попробуешь? А я через тебя, – предложил он.

– А мне зачем?

– Знаешь... Это будет очередная попытка. Завсегда и

этого бара многие пробовали познакомиться, но бесполезно. А если вдруг, у тебя получится, то все лопнут от зависти и злости, и будут смотреть на тебя, как на героя.

– Я не люблю публичности. А если не удастся?

– Тогда мне, как неудачнику, будет приятно видеть, что еще один получил отказ.

– Уволь Джон. Я в эти игры не играю.

– А в какие?

– В шахматы. Там каждый может делать ходы, которые считает нужными, и никто не знает, что произойдет потом.

– А если поспорим?

– Я не мелочусь, а, чтобы выплатить мне пари, у тебя не хватит денег, – вспомнил я пари с Николя, и одно из заданий, когда мы поспорили относительно национальности женщины. Найти возможность познакомиться, можно было, но зачем это мне. Я не отдыхать приехал, а работать.

– Боишься проиграть.

– Нет, не вижу смысла.

– Жаль, – вдруг согласился Джон, что меня несколько насторожило.

– Не очень.

Солнце уже зашло, и я поднялся: – Пойду, прогуляюсь, а ты побереги глаза, – посоветовал я, видя, что он не спускает глаз с брюнетки, которая мило беседовала со своими соседями по столику, видимо была хорошо знакома с ними.

Я расплатился, поднялся в номер и взял куртку. На ули-

це к вечеру похолодало. Цель моей прогулки – изучение города в темное время суток. Выйдя из отеля, я поежился, и направился в старый город. Несмотря на многолюдность, вечер в чужом городе и без дела, навевал меланхолию. Уличные фонари зажглись, офисы уже опустели, зато заполнились многочисленными барами и кафе. Швейцарцы много работают, но они умеют и отдыхать. Общение с друзьями самое любимое времяпрепровождение, прогулки, походы в кино, да и просто ничегонеделание распространенный вид отдыха, но в кругу друзей. Я же был здесь чужой.

В многочисленных витринах отражались рекламные огни, переливаясь всеми цветами. Я шел по улицам, где существовала массивность архитектуры, замешанная на больших деньгах. Безопасность и надменность архитектуры сменялась легкомысленностью, более скромных старых домов. Так я зашел в фешенебельный район Шампель. Здесь жили представители высшего класса, поэтому квартиры здесь стоили, гораздо больше, чем мог себе позволить государственный служащий, и владельцами их были преуспевающие люди: президенты компаний, члены советов директоров. Как только у кого появится возможность, то они сменяют квартиру на дом.

Было тихо, лишь изредка встречались прохожие, да проезжали машины. Я повернул назад, но чтобы сократить путь, углубился в узенькие улочки, погруженные в полумрак, и на одной пустынной из них, я услышал.

– Месье, остановитесь.

Я оглянулся. Меня догоняли трое молодых мужчин. Один был крепкий, другой худощавый, а третий коренастый и в униформе. Когда они подошли, я заметил, что униформа близка по виду к форме полиции, но надевший ее, им явно не был, он и представился:

– Ули Вебер, сотрудник полиции, – и, достав удостоверение, показал его мне. Это была явная подделка. Я мог такое сделать, не напрягаясь, за час.

– В чем дело? – без нотки испуга спросил я, не показывая вида, что заметил их фальшь.

– Нам надо досмотреть вас на предмет наркотиков.

Это был явный развод на деньги. Обыскивают туристов, крадут деньги и исчезают.

– Я похож на продавца?

– Похож.

– Ничего досматривать не будем, – ответил я, и тут у меня мелькнула мысль, что могла мне помочь в будущем, во всяком случае, вдруг пригодится.

– Ничего у меня нет, денег тоже, – провоцировал я их.

Они поняли, что я их раскусил, на улице было тихо и пустынно, а значит, для них безопасно. Лишь окна домов, освещались, за которыми добропорядочные граждане смотрели телевизоры, но они были слабой помощью.

– Что совсем? – ухмыльнулся тот, что покрепче.

– Для вас, да.

Я прислонился к стене дома и сделал вид, что немного испуган.

Крепкий подошел ближе и опустил руку мне на плечо:

– Ну, зачем же так. Будет больно. – От него несло виски. Худощавый глупо улыбался, и в свете слабых уличных фонарей его лицо было очень бледным.

– Не упрямясь, – произнес здоровяк. Я сбросил его руку с плеча, но тот выбросил вперед огромный кулак, целясь мне в голову, чтобы впечатать ее в стену. Моя голова могла расколоться от его кулака, как орех, чего я не желал. Я чуть отклонился, и его кулак с силой врезался в стену. Раздался дикий крик, нарушив тишину улочки, а вот за этим криком никто не услышал трех ударов, после которых здоровяк вдруг упал на асфальт и затих. Я выбросил ногу и пнул худощавого, тот скрючившись от боли, свалился рядом со своим коллегой. Раздались звуки полицейской сирены, и тот, что был в форме, не медля, бросился бежать, оставив своих подельников у моих ног. Я нагнулся и нащупал пульс на шее здоровяка, чтобы проверить, что он жив, а затем присел и прислонился к стене, сделав вид, что меня тошнит. Из подъехавшей машины, выскочили двое полицейских.

– Стоять, не двигаться, – крикнул один из них.

Я ухмыльнулся в темноте. Двое никуда убежать не смогут еще долго, а мне это было и не надо. Интересно, какое из окон, принадлежит бдительному швейцарцу, вызвавшего полицию.

– Я гражданин Франции, – сказал я и, поднявшись, достал паспорт. Полицейский взял его, пролистал, и крикнул водителю, чтобы вызвал еще машину.

Вскоре нас на двух машинах доставили в участок, где офицер внимательно изучил мои документы.

– Как вы там оказались?

– Осматривал город, заблудился немного, и тут эти. Один был в форме, но сбежал.

– Это нам знакомо. Но как вы их? Вот кулак разбит.

– Случайно. Он хотел ударить меня, но промазал и попал в стену.

– Угу, – хмыкнул офицер, не поверив, что нападавший промазал. Он поинтересовался, где я остановился и попросил оказать помощь, если потребуется при опознании третьего, в поимке которого они не сомневались. Я не стал отказываться, и после непродолжительной беседы, меня довезли до отеля. Уже в номере я осмотрел себя, но никаких видимых изменений на лице не было. Все было в порядке, как и бдительность швейцарцев. Может быть, мне пригодится знакомство с полицией, я же был добропорядочным, законопослушным туристом.

6

Утро человека, который еще не знает, как сложится день, всегда выглядит неопределенным. С одной стороны он думает, чем себя занять, а с другой и занять-то нечем. В это

утро я проснулся, не зная, что произойдет, хотя на утро план был, но напряга ожидающихся событий не было. Что толку думать, если не знаешь расклад.

Выглянув в окно, я увидел, что лучи утреннего солнца скользили по водной глади Роны, несущей свои воды вдаль к горизонту. Город просыпался. Город, в котором скрыты богатства, что лежали в банковских сейфах в виде золота, серебра, денежных купюр. Это был город, в котором на карте не отмечен финансовый квартал, а был тихим без помпезных памятников накопительству. Сдержанность, осторожность и, конечно, обман, присущий всем финансам мира. Это финансы. Это Швейцария.

В ресторане, куда я спустился позавтракать, народу было мало. Лишь несколько человек сидели за столиками накрытыми белыми льняными скатертями. Кто-то был туристом и хотел пораньше отправиться на осмотр, кто-то был служащим, временно остановившийся в отеле и потому должен был успеть на работу вовремя. Я разместился за столиком у окна, заказал яичницу, кофе и круассаны. Ел не спеша, готовясь к событиям, которые я ощущал. Времени на длительное пребывание здесь, у меня не было.

День обещал быть теплым, и после завтрака, поднявшись в номер, взял некоторые мелочи, которые могли пригодиться, бросив куртку в машину, так на всякий случай, весна все же, и сев за руль, выехал на улицы Женевы. Соблюдая правила движения, поехал по улицам, наблюдая утренний город,

когда по нему еще мало бродят туристы, но служащие уже торопятся. Я зашел в телефонную будку и набрал известный мне номер и, услышав ответ, попросил позвать Софи.

– Она сейчас в парке Бастион, совершает утреннюю прогулку, но будет через полчаса.

Значит, в течение получаса я могу получить там информацию на центральной аллее. Если не успею сегодня, то оставят завтра. Я посмотрел на часы. Успевал. Моей конечной целью сегодня, был парк Бастион, одно из любимых мест отдыха горожан. В этот дообеденный час, народ в парке уже был: молодая мама прогуливалась с коляской, пожилая пара шла по аллее в том же направлении, что и я. Это было время утреннего отдыха, благо погода позволяла. Пара мужчин играла в шахматы. Кто-то сидел на скамейках, читая книги, газеты. Я увидел, как мужчина, сидящий на скамейке, посмотрел на часы, сложил газету и, поднявшись, направился вдоль аллеи, оставив газету лежать на скамейке. «Очень неряшливо, мог бы выбросить в урну. Мне что ли это сделать?» – подумал я, но обрадовался возможности посидеть в одиночестве на скамейке. Поравнявшись со скамейкой, я сел на нее, и с видом праздного зеваки смотрел по сторонам, потом мой взгляд зацепился за газету. Она была от вчерашнего числа, и я заметил, что на ней написано несколько цифр. Память автоматически зафиксировала их, так на всякий случай. Посидев пару минут, я решил, что не я оставлял газету, не мне ее и убирать, и направился в обратную сторону, к машине. Про-

ехав пару кварталов, я остановился возле телефонной будки, зашел, плотно прикрыл дверь, набрал цифры, что видел на газете, но к каждой прибавлял по одной. Последняя была девятка, а значит у меня ноль. После трех гудков, я услышал мужской голос:

– Слушаю.

– Доброе утро. Мадлен вам звонила? У меня нет информации, получила ли она телеграмму?

– Да, получила и будет сегодня в четырнадцать часов в кафе «Свиная ножка»

– Я спасибо, – ответил я и повесил трубку.

Сработали оперативно, только вчера дал телеграмму, а сегодня уже связной был на месте. Кафе «Свиная ножка» располагалось в старом городе на улице Гийом-Фарель, и славилось своими мясными блюдами. Я прибыл туда к двенадцати часам. В этом случае не надо было все усложнять, но халатно относиться не следовало. Это Швейцария и здесь осиное гнездо спецслужб разных стран. Если телефон вдруг прослушивали, то приедут примерно за час. Город не велик, а швейцарцы народ внимательный. Если там сидеть несколько часов, то привлечешь внимание. Не увидев никого в услышанное время, подождут чуть-чуть и уйдут, но приехать за два часа это слишком. Поэтому встреча была за минусом двух часов от озвученного времени, а именно, в двенадцать. Встретаться сам я ни с кем не собирался, я только должен был посмотреть, но могли вмешаться непредвиденные об-

стоятельства.

Заказав отбивную, которой я отдал должное, затем приступил к их фирменному блюду – десерту «пьяная вишня», а когда заказал кофе, то попросил принести счет. Обедал я, не спеша, изредка поглядывая по сторонам. Через столик от меня сидело двое мужчин. Один лет сорока, с черными волосами, широкими скулами и квадратным подбородком. Весь его облик придавал ему интеллигентный и уверенный вид. Другой был светловолос и худощав. Они о чем-то беседовали, но было видно, что худощавый, несколько напряжен. Возле интеллигента лежала такая же газета, что я видел сегодня утром на скамейке, и так же сложена. Для меня это значило, что связной он, а вот худощавый, это объект, к которому мне надо приглядеться.

Мужчины рассчитались, собираясь уходить. Их столик был ближе к выходу, и я несколько раньше их, поднялся, собираясь покинуть зал. Проходя мимо их столика, я бросил взгляд на газету и прочитал название улицы и цифру 5. Этого было достаточно. Меня просили о встрече. Если бы надписи не было, то на этом знакомство и прекратилось бы. На этой улице я должен быть в пять. Выходить после них было нельзя, так как, если газету не заберут, то могу не успеть, и официант уберет ее, прежде чем я пройду мимо столика.

Выйдя из кафе, я посмотрел по сторонам, и, немного отойдя, стал смотреть вдоль улицы. Вскоре оба мужчины вышли из кафе, дошли до угла и, попрощавшись, направились в

разные стороны. Я решил пройти за худошавым. Шли недолго. Он свернул на одну из улиц и, пройдя пару домов, остановившись возле одного, набрал код, и исчез внутри здания. Здание было достаточно заурядным, в нем могло находиться все, что угодно, от школы, до государственного учреждения, и ничем не отличалось от своих соседей, к которым примыкало. В общем, неуклюжее, безликое строение в четыре этажа из желтого кирпича, и любому прохожему, проходящему мимо и взглянув на него, второй раз вряд ли захочется смотреть на него еще раз. Я и был случайным прохожим, а потому пристроившись сзади группы туристов, судя по всему немцев, не спеша прошел мимо, заметив камеру видеонаблюдения над дверью и табличку на стене «КРИПТ».

Времени было не так много, и, вернувшись к машине, я заехал в ближайший универмаг, купил немного одежды, прихватил еще кое, что из необходимых мне мелочей, выехал из Женевы. В нескольких километрах я остановился у придорожного кафе, где была заправка, зашел в мужскую уборную, где и переоделся, сменив джинсы и куртку на костюм. С помощью театрального грима чуть-чуть изменил свое лицо, вставил контактные линзы, изменившие цвет глаз, осветлил волосы, надел дымчатые очки и посмотрел на себя в зеркало уже внимательнее. На меня смотрел незнакомый мужчина. Из кармана куртки достал паспорт на гражданина Бельгии, сунул его в карман пиджака и направился к машине. Все это было необходимо. Газета на столике, сама по себе была сиг-

налом о встрече, а название улицы и числа – месте и времени. Связной не знал меня и не должен был знать. За все время, что они обедали, он ни разу не посмотрел на проходивших мимо посетителей, среди которых бы и я. Кто увидел его сигнал, он не знал, это мог быть даже официант. Он также не знал, приду я или нет, решать только мне, и я решился, сделать исключение, потому и изменил свою внешность.

Вернувшись в Женеву, я оставил «Вольво» на стоянке, а ближайшем салоне арендовал на сутки «Пежо», на котором и отправился на встречу.

Место для встречи было тихое, на улице было несколько магазинчиков, и между ними жилые дома и было подобрано, наверняка заранее, что несколько напрягало. Они не знали, приду ли я на встречу, поэтому вероятнее всего, связной придет сюда заранее и будет ждать, а это опасно. Ну, да что делать. Я не показывал свое истинное лицо, а желающих его увидеть или снять маску с него во многих странах нашлось бы, не так уж и мало.

Связной уже стоял возле одной из витрин, а затем, повернувшись, стал рассматривать улицу. Я остановился, опустил стекло со стороны пассажира, спросил:

– Не скажете, как проехать на дорогу к Цюриху.

– Прямо и направо.

– А не можете помочь, – и открыл пассажирскую дверь.

О пароле мы не договаривались, на все случаи не напаешься и не обговоришь. Важно было обратиться к нему. Ко-

нечно, кто-то мог тоже что-то спросить, но не каждый попросит показать дорогу. Он все понял, и быстро отлепившись от витрины сел в машину. Несколько минут я кружил по городу, проверяя, нет ли хвоста, но ничего не заметив, направился к парку, что на окраине Женева, недалеко от слияния Роны и Арвы. Там мы вышли из машины, и пошли вдоль небольшой аллеи, к свободной скамейке. Все было не случайно. Маленький водопад, что образовался на реке, был лучшим средством защиты от прослушивания. Журчание воды всегда создает неповторимые звуки, и отфильтровать их невозможно. Нет в этом звучании системы. То же самое, если включить кран в ванной комнате.

Мы присели на скамейку.

– Давно ждете?

– Сигнала три дня.

– И как долго стояли на улице?

– Минут пятнадцать..

– Я мог и не прийти. Швейцарцы народ бдительный – это сплоченная нация, и они обладают чутьем на чужих. Все, что не укладывается в обычный порядок, сразу сообщают полиции, так, на всякий случай. Любая разведка знает, что это дополнительная, общественная служба безопасности. Не уверен, что вас не засекли, хотя хвоста не было. Могли просто сфотографировать. Мы встречаемся первый и последний раз, – продолжил я. – Не люблю очных встреч. О деле. Слушаю.

– Ленц Майер, работает в компании «КРИПТ», которая принимает непосредственное участие в разработке системы электронного шпионажа США «Паутина». Компания выпускает шифровальное оборудование. Официально связи не подтверждены, но это факт. Системы шифрования продаются клиентам, а сами возможности от клиентов скрыты. Эта манипуляция облегчает расшифровку закодированной информации.

Американцы также используют купленную у швейцарцев спутниковую станцию в Лёке – кантон Вале, а та в свою очередь расположена рядом с одной из станций Опух. Есть ли связь между системой АНБ и Опух не известно, но такое соседство не случайно. Главная задача состоит в получении кодов для расшифровки кодов станций. Оборудование на ней фирмы «КРИПТ». Ленц Майер имеет непосредственное отношение к шифрованию оборудования.

У меня мелькнула некая мысль, и я постарался задержать ее, чтобы потом, когда останусь один позвать ее назад: – Что вы ему предложили?

– Сто тысяч швейцарских франков. Он обижен на то, что его не ценят, а амбиции велики, вот и хочет самоутвердиться, хотя бы перед собой.

– Зачем вам понадобилась встреча со мной?

– У нас погиб сотрудник, тот, что вышел на связь с Ленцем. Нет гарантий, что мне будет сделано исключение. Я должен вам был его показать и рассказать. Если все пройдет

гладко, то есть два варианта: я сам передам информацию, либо через вас. Возможно, что вам придется самому проводить операцию.

– Я мог и не прийти.

– Я надеялся.

– Не густо. Продолжайте его разрабатывать, но времени у нас почти нет. Как только информация будет у вас, дайте мне сигнал, я ее вывезу, а вы продублируете. Не уверен, что дипломатическая почта сделает, хоть ее и не проверяют, а использовать электронные средства связи вообще глупо. Могут считать и расшифровать, что стало известно, и как следствие, поменять коды. Важно знать принцип, заложенный в разработке кодов. Даже если сменить, легко подобрать расшифровку. Саму систему менять слишком долго и затратно. Из-за чего погиб сотрудник?

– Не известно. Информацию он еще не успел получить. Ленц не говорил об этом.

– Не говорил или не знает?

– Не говорил.

– Не обольщайтесь. Варианты могут быть разные. Либо передал и подставил, либо не успел. А он не удивился, что вместо него пришли вы?

– Они не общались реально. Только по связи.

– Вот его и вычислили. Я не верю в случайность. Будьте осторожны. Срок неделя. Меня не ищите, сигнал только в случае если у вас на руках будет информация. Я сам за всем

присмотрю. Когда встречается вновь?

– Завтра, – и он назвал место и время, а также сообщил адрес, где жил Ленц.

Связной ушел первым, а я остался проанализировать услышанное. Я знал, что Опух – система радиолокационной разведки, владельцем которой была Федеральная разведывательная служба Швейцарии, но менее масштабная, чем «Паутина» США. Опух работала для мониторинга различных сообщений с помощью спутников. Основа – использование ключевых слов для фильтрации сообщений. Наличие своей станции у США в Швейцарии было важным. Они могли и передавать, а не только прослушивать.

То, что «КРИПТ» не работала на разведку Швейцарии – не плохо. По швейцарским законам, если сотрудник разведки чужой страны шпионил за третьей страной, то в случае провала ему грозил срок не более трех лет. Если «КРИПТ» связана с АНБ (агентство национальной безопасности США), то компания могла быть под присмотром спецслужб США, а это серьезный уровень.

Но пора было возвращаться. Встреча заняла менее часа, а я хотел еще раз взглянуть на Ленца, пока рабочий день еще не закончился, да и привести себя в свой привычный вид. По дороге я подумал и том, что в век электронного шпионажа, роль простой агентуры еще высока, и без нее никак. «HUMINT» на жаргоне, а полностью – Human Intelligence – агентурная разведка, продолжает занимать свое место. Мож-

но считать информацию, но вот шифры придумывают люди, а к ним надо иметь подход. Ни дна машина не найдет слабых мест у человека. Откуда ей известно, что человек думает? Что у него на уме? Чтобы это понять, надо иметь с ним контакт, и эта задача налаживания контакта ложиться на плечи агентов, и они должны быть очень убедительными, чтобы им открылись. Или запугать, а значит, надо владеть информацией на человека, которая трудно собирается.

Вечером я собирался побыть в номере, чтобы еще раз поразмыслить, но видимо кто-то свыше улыбнулся и нарушил мои планы.

Я остановился на улице, примыкающей к той, где располагался офис «КРИПТ». Рабочий день подошел к концу, и служащие начали покидать свои компании. Мне было интересно не сам Ленц, а с кем он выйдет, и будет ли один.

Сюрприза я ждал не долго. Когда сотрудники стали входить из офиса, то я без труда узнал Ленца. Он шел в мою сторону и не один, а о чем-то мило беседовал с женщиной. Подойдя к припаркованной БМВ, они расстались. Ленц пошел пешком, а женщина села в машину и отъехала. Да, пожалуй, пора было встретиться с этой женщиной, но сначала снять маскард. За рулем БМВ была Анна.

7

«Ну, что же, факт достойный внимания, – решил я. – Пора, пора ей позвонить, хотя она может просто работать в дан-

ной компании, и это было бы лучше. Не хочется разочаровываться, а то вообще перестану верить людям».

Сменить одежду и снять грим мне удалось в течение полчаса. «Пежо» я оставил в двух кварталах от «Вольво» и позвонил в агентство, сообщив, где оставил машину.

Поднявшись в номер, я первым делом привел себя в порядок и, посмотрев на часы, которые показывали около семи, решил, что время еще не позднее, расположился в кресле, снял трубку телефона, набирая номер Анны. Ждать пришлось долго, и я уже подумал, что она занята, как вдруг услышал ее голос:

– Алло.

– Добрый вечер, Анна. Это я, Жан, из Парижа.

– Из самого! Как ты быстро здесь оказался.

– Всего несколько часов на поезде и я здесь.

– И что побудило?

– Усталость от мыслей, что наша встреча осталась не завершенной.

– И ты решил это восполнить! Очень мило, – ответила она приветливо. – Я не сразу услышала звонок, была в душе.

– Так ты...

– Да, ты все правильно понял.

– Жаль не вижу.

– У меня такое чувство, что ты меня разглядываешь, словно я стою перед скайпом.

– Угадала, я поставил камеры в квартире, так что могу

описать тебя в деталях.

– Лучше не надо. Тебя это волнует?

– Буду откровенен, да. Получив еще тогда, давно, твое разрешение позвонить, когда буду в Швейцарии, решил воспользоваться случаем и звоню, чтобы услышать твой голос.

– И все? На тебя не похоже. Я думала ты иной. Что, твой звонок просто так?

– Почти, хочу пригласить тебя на ужин.

– Похвальное желание, и твое «почти» меня заинтересовало... Я, пожалуй, склонна принять приглашение и пойду с тобой.

– Голая?

– Не надейся. Оденусь, конечно, но у тебя еще есть время застать меня за процедурой одевания.

– Я не знаю, где ты живешь, и могу не успеть.

– В принципе я могу, не торопится. Как женщина могу тебе открыть страшную тайну. Чтобы привести в порядок лицо, женщине надо, как минимум час, чтобы надеть платье достаточно двух минут. Я всегда начинаю с лица.

– Говори адрес, выезжаю.

Анна засмеялась: – В следующий раз. Предлагаю встретиться через час в ресторане Windows. Найдешь?

– Не сомневайся.

– Тогда до встречи, – и она отключила телефон.

Где ресторан я знал, здесь все недалеко и я вполне мог дойти до него, не воспользовавшись такси.

Не позволяя себе опаздывать я, надел темно-синий пиджак, белую рубашку и достав дорогой галстук, повертел его и положил обратно, буду немного неформальным. Осмотрев себя в зеркало, я оценил свой внешний вид, как уверенного бизнесмена. В этом ресторане могут быть финансисты, бизнесмены и прочие лица общества, так что впишусь.

Выйдя из отеля, я изменил свое мнение идти до ресторана пешком, вид у меня был не для вечерних прогулок, а потому взял такси, что доставило меня к ресторану. Войдя в зал, я обратил внимание на обстановку. Белые скатерти столов контрастировали с темным полом. Кресла обиты темной тканью в полоску. Посетителей было уже не мало, но один столик возле окна был свободным. Еще бы, я позвонил, сделал заказ, и чтобы возле окна.

В ожидании Анны, заказал мартини и предался любованию потрясающим видом, открывающимся из окон: Женевское озеро, а далее за ним горы, очертания которых просматривались в легких сумерках, и среди них величаво просматривалась гора Монблан, расположенная уже на французской территории, хотя границы здесь были условны. Туристы на небольшой площадке фотографировали, стараясь запечатлеть свои воспоминания об этом дивном месте.

Отвернувшись от окна, я осмотрел зал. Посетителей прибавилось и все респектабельные, как-никак ресторан имел 16 баллов от гида «Го Мийо».

Анна возникла в дверях зала, медленно, не мигая, осмот-

рела зал, спокойно встречая дерзкие взгляды губошлепов–ловеласов, и не обращая внимания на их слюни, направилась к моему столику. Двигалась он с грацией дикой кошки. Анна была в темно-синем шелковом платье, которое сидело на ней так, как мечтает сидеть платье, встретив достойную фигуру. Оно было, словно, живое и двигалось вместе с телом там, где это движение должно быть, чтобы подчеркнуть формы владелицы, и оставалось спокойным там, где это следовало. Практически каждый мужчина, да и некоторые женщины, провожали ее взглядом до моего столика, пока я не встал и пододвинул ей сзади стул, помогая сесть. Что было у нее больше красоты или умения себя подать, не важно, но результат был.

Пока я помогал Анне, то уловил нежный терпкий аромат ее духов, а сев напротив, увидел в глазах лукавство; она откровенно насмехалась надо мной.

– Если ты хотела произвести эффект, то тебе это удалось. Изумительно выглядишь, я даже теперь жалею, что не присутствовал в тот час, когда ты приводила лицо в порядок.

– У тебя должна быть хорошая фантазия, дорисуй все сам, – сверкнула она улыбкой.

– Чем я и занимался, пока ждал тебя. Как подумаю, как ты там без меня справляешься с застегками...

– Красивая ложь.

– Ну, да, – согласился я. – Так оно и есть, хотя в данный момент я говорю чистую правду, даже неожиданно для себя.

Подошедший официант прервал мою речь, и мы сделали заказ. Едва официант отошел, как я услышал голос на весь зал:

– Анна, дорогая.

Мы оба повернули головы на голос, и я увидел, что к нам направляется мужчина за шестьдесят, крупный, с копной седых волос, добродушным взглядом и широкой улыбкой. Пока он, передвигаясь между столами, пытался к нам дойти, то кивал головой направо и налево, видимо был со всеми знаком, иным даже по пути пожимал легко руки. Подойдя к столу, он замер нависнув над нами своим крупным телом.

– Разрешите? – обратился он ко мне и, не дожидаясь ответа, считая, что достаточно того, что он вообще спросил, сел на стул рядом. От него пахло дорогим одеколоном, и вином.

– Давно тебя не было видно, представь нас.

Анна все это время улыбалась, и улыбка ее была доброй и искренней, как улыбаются милым шалостям детей.

– Жан, познакомься, это Андре, владелец одного из магазинов, где продают искусство.

– Искусство не продается, оно создается. А то, что продается это уже товар, – назидательно произнес он.

– Кстати, Андре, Жан твой коллега по цеху, у него галерея в Париже.

– Вот же угораздил Бог вляпаться за столик с коллегой. Думал я здесь один такой, – засмеялся он, – тот, кто умеет лгать, – пояснил он, – а теперь может и не получиться.

– И в чем твоя ложь?

– Видишь ли, Анна, мы с коллегой находимся на разных полюсах от тех, кто приобретает товар, что мы предлагаем. Нам приходится прибегать к морю лжи, чтобы порой всучить что-то клиенту. И не возражай, – обращался он к Анне. – Я старый человек, Анна, и всю жизнь лгу. Странно, но ложь для меня удобнее правды. А что, у вас не так? – посмотрел он на меня.

– По всякому, – ушел я от ответа, а про себя подумал. Это, смотря какую сторону моей деятельности рассматривать. Что касается галереи, то там я старался быть честным с клиентами, тем более случайными занималась Элен, а постоянных обхаживал я, как никак, они мой источник дохода. А вот моя теневая сторона – это действительно переплетение правды и лжи, и чего в ней больше сказать трудно. Я лгал даже себе, чтобы не привыкнуть к словам правды. Лишь когда анализировал, то был откровенным сам с собой.

– Вы еще молоды и придете к тому же что и я, и, наверное, у вас нет такой Алины, как у меня.

Я посмотрел на него удивленно, не понимая, о какой Алине, он говорит, и почему я должен ее знать. За ответом я обратил свое внимание на Анну, которая почти смеялась.

– Алина, это нечто, – подтвердила она, слова Андре, чем еще более заинтересовала меня неизвестной мне личностью.

– Впечатление такое, что я так отстал от светской жизни, что даже не знаю, кто такая Алина, – с сожалением произнес

я.

– Заходите ко мне. Магазин так и называется «Салон Андре», и не бойтесь Алину. Видите ли, Алина моя продавщица, экстравагантная продавщица. Ее саму можно показывать за деньги, и не потому, как она прекрасно выглядит, а потому, как она смотрит. Ее взгляд дан ей даже не природой, а Богом. Она, всем своим взглядом, отпугивает клиентов. Она смотрит на них так, словно они работники бойни и от них так несет... Ей даже ничего не надо говорить, ее молчание настолько красноречиво, что в ее присутствии вошедшие чувствуют, что ошиблись дверью, и здесь таких не обслуживают. Только истинные ценители искусства не замечают ее присутствия, или не обращают внимания. Это и есть настоящие клиенты, они и платят, помогая мне жить. Ладно, дети мои, наслаждайтесь друг другом, – Андре поднялся, увидев подходящего официанта. – Заходите Жан, – и ушел, чуть покачиваясь, как колосс на глиняных ногах.

Когда официант, расставив заказанное, удалился, Анна заметила: – Тебе действительно надо сходить к нему. У него хороший магазин.

– Теперь я понимаю, почему тебя пригласили посмотреть картины и помочь выбрать. Учитель хороший. Это твоя деятельность?

– Нет, это так, для расширения кругозора. Андре друг моего отца. Сама же я работаю в коммерческой фирме. Ты же это хотел знать?

– Ну, не так конкретно.

– А конкретно – я математик и очень не плохой.

Своего удивления я не стал скрывать. Сегодня вечер открытий.

– Да, вот так, вот, – гордо заявила Анна. – Трудно представить меня с цифрами, но мне это нравится.

– И логика есть? И все прочее для аналитики?

– Увы, да. Почему, увы? За глупенькую, смазливую женщину принимают только вначале, по виду, используя внутренний штамп.

– Заметь, я не говорил смазливая и глупенькая. И даже не думал.

– Это я увидела по тебе.

– Так ты еще и физиономист?

– Нет, не напрягайся, в глубины твоего ума лезть не буду.

– И хорошо, – вздохнул я с облегчением, – достаточно, что уже залезла в сердце.

– Я подумаю, как долго там оставаться. Ну, что приступим к ужину или ты собираешься меня угощать словами?

Мы взяли мясо, жаренное по-швейцарски, которое обильно посыпается тертым сыром, а гарниром к нему рёшти – национальное блюдо, изготавливаемое из тертого картофеля с добавками растительных жиров. Из напитков Анна предпочла красное Dole, а я решил попробовать грушевое бренди «Вильямс». От десерта она отказалась, и естественно кофе завершил ужин. Вечер прошел в легкой, непринужденной

обстановке. Я рассказывал, где был, что видел, а она внимательно слушала, иногда дополняя мои впечатления своим взглядом коренной жительницы.

Через два часа мы вышли из ресторана, и такси доставило нас в старый город в фешенебельный район Шампель, рядом с которым у меня произошло небольшое приключение. Выйдя из машины, я замер ожидая, что скажет Анна.

– Не отпускай машину, – догадалась она о моей заминке. – К себе не приглашаю. Как-нибудь потом. Ты где остановился?

– Мандарин Ориенталь.

– Не плохо. Ну, если ты оказался в Женеве, то я позволю себе не бросать тебя.

– Я не настаиваю и не хочу нарушать твои планы, свалившись, как снег на голову. Ты мне делаешь одолжение?

Анна коснулась пальцем моей щеки, легко провела по ней: – Жан, разве я похожа на женщину, которая будет делать одолжение? Давай завтра встретимся, погуляем по городу, и я отведу тебя в одно очень интересное место. Заезжай за мной к шести, уже буду дома.

Чуть прижавшись ко мне, поцеловала в щеку и направилась к малоэтажному дому легкой походкой. Платье, как и раньше, двигалось там, где надо и оставалось спокойным там, где должно быть спокойным.

Я чувствовал легкий аромат ее духов на своем лице. Дождавшись, когда Анна войдет в дом, сел в такси.

Третий день я находился в Женеве, но похвастаться результатами особо не мог. Так, легкое движение мелкими шагами. Было у меня подозрение, что связной уже мог быть зашвечен. Моя встреча с ним вчера, была, в общем, на грани, я рисковал. Я бы меньше рисковал, если бы без маскировки, мало ли случайно встретились, случайно познакомились, но я не хотел показываться даже ему, а уж в случае фотографирования, лицо мое занесли бы, так, на всякий случай, в базу данных, а под гримом вообще провал. Чтобы ни было, ничего положительного я пока не видел, как и способов подойти к объекту. Сегодня будет встреча связного с Ленцем и мне надо все посмотреть.

Так я размышлял, лежа в кровати, глядя в окно, где в голубом небе проплывали легкие облака. День обещал быть теплым, как и вчера. Я посмотрел на часы, что стояли на прикроватной тумбочке, половина восьмого. Пора вставать.

Выйдя из душа, я оделся и спустился в ресторан при отеле, чтобы позавтракать. Лица сидящих, уже стали привычными, но среди них я заметил одно приятное – англичанка, на знакомство с которой меня провоцировал Джон. А почему бы и нет? – подумал я и направился к ее столику.

– Разрешите присесть за ваш столик? – спросил я.

Она подняла голову, и в ее черных глазах, не было видно дна. Они притягивали, при этом она не делала для этого ни-

каких усилий. Осмотрев зал, и убедившись, что свободные места есть и среди мужских компаний, он поняла мои намерения и ухмыльнулась:

– Пожалуйста, но, как понимаю, место вы выбрали не случайно?

– Разумеется, – не стал я отрицать. – Меня зовут Жан, – представился я, садясь напротив.

– Этого было бы достаточно, – ответила незнакомка мягким, с легкой хрипотцой голосом, и продолжила завтрак.

Подошедшему официанту я заказал сок, творог, тосты с джемом и кофе, а затем произнес: – Выражение «было бы достаточно» имеет некую недосказанность.

– Так и есть, – вымолвила она, перейдя к кофе. – Если бы вы еще объяснили, зачем я вам, только не надо банальностей, не хочется разочаровываться в очередной раз.

– Я вас понял, но смею заверить, что это просто знакомство с красивой женщиной, не более.

Она внимательно посмотрела на меня и уголки ее губ чуть приподнялись, давая мне понять, что не очень-то она верит моим словам.

– Это правда, – попытался я ее уверить, – хотя я не так часто правдив. В обществе красивой женщины я чувствую себя уютнее.

– Уют с женщиной надо создавать самому, а не ждать его. Но, увы, часто мужчины оказываются более глупыми, чем думаешь вначале.

– Вы обо мне?

– Пока нет.

– Я не собираюсь вас приглашать на обед, ужин, прогулки по городу, для этого найдется много других претендентов. О вас ходят такие невероятные слухи, что вы неприступны, как крепость.

– Приходится держать оборону от глупостей. Интересны мужчины, а не предложения к любовной интрижке. А вы решили встать в очередь и попытаться разрушить крепость?

– Я не люблю стоять в очереди за вниманием женщины, какая бы она ни была. Гордый я, поэтому даже в мыслях не было. С вами мне интересно простое общение.

– И вы думаете, я в это поверю? В эту ахиною «простое общение», – засмеялась она. – Не надо прикидываться глупым.

– Ну, если быть более откровенным, то поиграть на самолюбии других мужчин.

– Это уже интереснее. Что вы меня завоевали? – догадалась она.

– Необязательно, пусть видят, что вы со мной общаетесь, хотя они наверняка додумают все остальное.

– Мне все рано, что обо мне думают и говорят за моей спиной, в этом случае пусть даже побьют, когда меня нет рядом. Я уже могу позволить себе выбирать, чье мнение мне интересно.

Официант принес мой заказ, но я подождал приступать

к завтраку. Видя, что она собирается уходить, я ей предложил: – А что если нам встретится за завтраком?

– На обед и ужин у вас нет средств или смелости?

– Я занят днем, а вечером у меня встреча.

– С женщиной?

– С женщиной, а почему вы так решили?

– Вы не относитесь к типу мужчин, которые проводят вечера в одиночестве, но при этом не бросаются к женщинам в ноги, с мольбами о встречи. У вас взгляд победителя, и вы не страдаете по нам.

– Неужели я похож на Казанову? Жаль. Но вы не правы, я часто провожу вечера один.

– То, что вы бываете один – это ваша потребность и совсем не значит, что кто-то не хочет быть рядом, но вам-то этого не надо.

– А вам?

– Я такая же, только в юбке, – глаза ее светились добрым светом.

– Так что, мы будем разыгрывать других?

– Ох... – прозвучало что-то среднее между всхлипом и смехом. – Я не иду быстро на контакт, и не уверена, что вы мне так уж сильно нравитесь.

– А если не сильно? И вы постарайтесь, как следует. Неужели у вас нет ни сколько артистизма?

– Линда, – представилась она. – Приглашение принимаю, так что до завтра. Жду вас здесь, за этим же столиком, – и,

встав из-за стола, сказала: – Я вам подыграю, но подумаю, что взять взамен.

– Взять?

– А вы думаете, я буду просить?

Я лишь пожал плечами, а Линда легко засмеялась: – Не бойтесь, я не кровожадная. До завтра, – и направилась к выходу.

Провожать ее взглядом я не стал, но задумался. – «Что же это такое? Здесь все женщины такие уверенные в себе или это я слабею? Вероятнее всего, что женщины, с которыми я знакомлюсь, умны и красивы».

После завтрака я отправился на машине по городу, заехал на заправку, пополнить бак. Привычка, если в баке меньше половины бензина, то надо заправить, исключив неожиданности. Посидел на берегу Женевского озера, полюбовался его знаменитым фонтаном и направился к месту встречи связного с Ленцем. Встреча была в районе Каруж, где множество баров, кафе. Безопасных мест для встречи не бывает, но предпочтение отдается многолюдным местам, где сильное пешеходное движение, но бывает и иная необходимость, как у меня уже была.

Я разместился в кафе с большим стеклом, через которое я мог видеть происходящее на улице. На витрине была изображена большая чашка кофе, что отчасти скрывала меня. Витрина обладает способностью видеть с обеих сторон. Связного я заметил, когда он прошел мимо, по противоположной сто-

роне улицы. Шел он, не спеша, разглядывая витрины, держа в руке в пакет с надписью универмага. Изредка он поглядывал на часы, не скрывая, что ждет кого-то. В тот момент я не сразу понял весь замысел, но это был, как потом прояснилось, запасной вариант. Он знал больше, чем я в тот момент. Не далеко от меня, он остановился, и мое внимание привлеч еще один мужчина, который так же глазел по сторонам. Это был «хвост», причем явный, который не пытался замаскироваться. Расстояние он не выдерживал, одет был в темный костюм, чем выделялся, да и не пытался слиться с толпой. Все это означало, что он приманка, а настоящее наблюдение ведет кто-то другой. Возможно, он хотел сорвать встречу. Мне понадобилось не так много времени, чтобы увидеть подлинный «хвост», только что разместившийся в кафе на противоположной стороне. Это была жгучая брюнетка и хорошо мне знакома – Линда. Я не верил в случайность ее появления здесь. Да, какой же маленький город Женева. Чего они добиваются? Чтобы объект запаниковал? Не похоже, да и связной вел себе достаточно спокойно.

Но тут тип, в темном костюме, резко ускорил шаги, и, пройдя мимо связного, ушел вдоль улицы. А я увидел Ленца. Он спокойно подошел к связному, они поздоровались и начали что-то обсуждать. Прятаться им не было необходимости. Если что-то передавать чтобы не заметил никто, то это лишь привлечет внимание. Связной передал Ленцу пакет. Такая откровенная передача была на грани фола. Полу-

чается, встретились двое знакомых, в заранее обговоренное время, и один передал другому то, что другому было необходимо. В пакете должны быть деньги. Кому в голову придет носить их в пакете.

Как только пакет был передан, то сидящие недалеко пожилой и молодой мужчины, которые вели себя, как гомосексуальная парочка, поднялись и быстро подошли к ним. Мужчины оказались агентами в штатском. Они взяли пакет и достали из него несколько журналов. Я мог только догадываться, что это технические журналы, учитывая профиль работы Ленца. Удивление на лицах агентов было неподдельным, вероятнее всего им сообщили, что содержимое пакета должно быть иным. Кто сообщил? Тем не менее, они предложили обоим пройти с ними. Связной был спокоен, Ленц же немного нервничал, он не ожидал, что в пакете будет «кукла». Все не спеша удались, а я остался ждать, когда свой пост покинет Линда. Минут через пять она поднялась и смешалась с толпой, даже не пытаясь торопиться. Думаю, ей было о чем доложить.

Я заказал еще чашку кофе, чтобы подумать об увиденном. Ситуация не была стрессовой и у меня еще было время, чтобы мой разум начал самостоятельное движение. Надо было проанализировать, чтобы голова наполнилась картинкой увиденного, и появились слова, тогда можно поискать истину.

Итак, связной на языке спецслужб оказался «игроком», то

есть человеком, который знает, что он мишень, подставной, а значит, имеет представление о том, что в этой ситуации делать. То, что я все видел, и оказался относительно в стороне, снижало риск провала, как и то, что меня не видела Линда, во всяком случае, я на это рассчитывал. За связного я не беспокоился; в участке с ними проведут беседу и выяснится, что Ленцу нужны журналы. Конечно, журналы проверят, а вдруг там между строк или на полях что-то записано, например, адрес или номер счета, телефона. Но я был уверен, что это обычные журналы. Их отпустят, еще и извинятся. Связной засветившись, без последствий еще поработает где-то в отделе посольства, а потом поедет на Родину. Оставалось понять, Ленц играет по нотам американцев или просто находится под их плотным наблюдением? И что предпримут американцы теперь? Хотя Линда была англичанкой. Да, тесный клубок. Далее. Если бы связной сумел передать деньги, то мне оставалось получить информацию и уезжать из Швейцарии, а теперь они поймут, что раз наш агент засвечен, есть кто-то еще и усилят присмотр за Ленцем, а может еще за кем. С этой стороны дело было дрянь. Я должен стать тенью и довести операцию до конца. Если ранее все внимание было приковано к другому, то теперь не так. Они не знали, кого искать и предпримут новые действия, да и швейцарскую разведку нельзя было сбрасывать со счетов, их, вероятнее, всего навели американцы, хотя не факт. В общем, случилось то, что случилось. Я остался один и операция усложнилась.

– Разрешите присесть за ваш столик? – услышал я голос рядом и, вернувшись в реальный мир, увидел, что рядом со мной стоят парень и девушка. Все столики оказались занятыми, и лишь я сидел в одиночестве.

– Да, пожалуйста, я уже ухожу, – широко улыбнулся я им и, поднявшись, вышел из кафе. Что делать, размышлять при моей профессии вслух не приходилось. Можно поехать в отель, но что делает турист днем в номере? Там я мог поразмышлять, но опять, же не вслух. Кто-то сказал, что размышления вслух, когда все проговаривается, многие вещи делают прозрачнее. Я тогда спросил: «Даже нефильТРованное пиво?», на что получил ответ, что пиво материальный продукт и предназначен для других целей, а это относится только к тому, что тревожит душу. Душу мою пока ничто не тревожило, а вот поговорить вслух можно, чтобы переключить объект внимания, а уж потом вновь вернуться. Решение было простым, мудрым и я направился в салон к Андре.

Салон был достаточно большой и состоял из трех залов: в первом – картины, налево – гобелены, направо – скульптуры, статуэтки, вазы. В первом же зале, был прилавок с разной мелочью и сувенирами. Я задержался в первом, и было от чего. Анна и Андре были правы в отношении Алины. Возле стойки стояла женщина, которая повернулась ко мне, как только я закрыл входную дверь. Ей было лет двадцать пять, ростом около метр восемьдесят, платиновые волосы, большие серые глаза, чувственный рот. Кожа чуть смуглая.

Лицо гладкое. В чертах этого лица виден мягкий, обволакивающий взгляд глаз, в которых видевший их тонул не сопротивляясь. Черное платье так облегалo фигуру, что не ясно, как она вообще умудрилась его надеть, и не скрывало, а подчеркивало большую грудь, а также едва прикрывало стройные длинные ноги. «Интересно, как она садиться? – мелькнула мысль, – уж точно не на платье, его длины не хватит». Взгляд Алины, а что это была она, я не сомневался, был пронизывающий, именно такой, как говорил Андре, и она явно давала мне понять, что я ошибся дверью и от меня дурно пахнет. Все длилось с полминуты, и она поняла, что ее чары на меня не подействовали, так как я не отводил взгляда от нее и улыбался глазами. Тест на выдержку мной пройден. Укор в ее глазах погас, а я, кивнув на ее грудь, спросил:

– У вас там что? Маленький пистолет? И натуральный?

– У меня все натуральное и мой пистолет стреляет без осечки, и не такой уж он маленький, – усмехнулась она, – но вы ошиблись, свой пистолет, с перламутровой ручкой, я ношу за подвязкой.

– Покажете?

– Как будете себя вести. Может быть, я даже вам дам его погладить, не доставая из-под подвязки.

– Я постараюсь.

– Да, уж, придется.

В это время из внутреннего помещения вышел Андре: – Жан, рад тебя видеть, и вижу, вы нашли общий язык. Ты

вырос в моих глазах. Что он у тебя просил? – обратился он к Алине.

– Посмотреть пистолет за моей подвязкой, и я разрешу ему погладить, если будет себя хорошо вести.

– Вот это удар. Чтобы Алина вот так, первому встречному, доверила себя! Пора на покой.

– Только первому встречному и надо доверять себя, при этом, не затрагивая душу, а так разово, для себя, – ответила она.

– Судя по теме, ты был нестандартен и задел Алину. Это профессионализм в отношениях с женщинами. Пошли, выпьем, – и мы прошли в его кабинет, где он достал бутылку «Джонни Уокер». – Знаком с этим мужчиной?

– Знаком, крепкий мужик, разбавь, чтобы стал «менее знакомым».

Андре засмеялся. Мы поговорили об искусстве, о делах в этой сфере бизнеса, он повел меня по салону. Там ему позвонили и он, извинившись, оставил меня, пригласив заходить, если будет необходимость, коллеге по цеху всегда поможет, да и просто так. На прощание я улыбнулся Алине, а она сказала: – Я жду хорошего поведения, а за нестандартный подход, возьми, – и протянула мне визитку со своим номером телефона.

«Вот так вот, еще одна женщина, – думал я уже на улице. – Они точно специально собрались в этом городе, чтобы потом окружить меня и побить». Побродив по городу, вернулся к

сиротливо стоящей машине, что оставил недалеко от места встречи связного с Ленцем, и к шести часам подъехал к дому Анны.

– Предлагаю перекусить, а потом погуляем, – предложила она, и мы поехали к кафе «Le Relais de L'Entrecôte», что можно перевести, как «смена антрекота», располагавшееся на Rue du Rhône. Это было кафе одного блюда. Идея возникла в Париже еще в пятидесятых годах, там же и была реализована, и затем в одном ресторане Женевы. Сама идея проста: отличный антрекот, картофель, салат, фирменный соус. Никакого бронирования. Все это мне пояснила Анна, когда мы подъехали, и я увидел очередь.

– Здесь всегда очередь, в которой стоят небедные люди после рабочего дня. В Париже все не так. Только здесь, в Женеве, можно увидеть, что поесть картошки с антрекотом приезжают на майбахе и ламборджини.

Когда нам удалось попасть внутрь, то я отметил, что блюда превосходны. Анна кому-то помахала рукой, пока я поглощал антрекот, но когда поднял голову, то увидел, кто привлек ее внимание. Это был Ленц, и он направлялся к нам. Анна познакомила меня с ним, сообщив, что это ее коллега по работе. Ленц был с товарищем и вскоре отошел. Я не заметил, что он был взволнован произошедшим сегодня днем.

Затем Анна водила меня по вечернему городу, предварительно сообщив, что к десяти она хочет вернуться домой.

– Извини, Жан, но завтра трудный день, и мне надо быть

в хорошей форме. Но чтобы компенсировать тебе вечер, я предлагаю в субботу поехать в горы. Там будут знакомые, да тот же Ленц, что сегодня подходил в кафе. Так что?

– Суббота только послезавтра.

– Я знаю. В пятницу у меня встреча с родителями.

– Хорошо, но завтра я могу позвонить?

– Не можешь, а позвонишь, – и она, поцеловав меня в щеку, и ушла.

Вернувшись в номер, я подумал, что за сегодняшний день у меня было три встречи с разными женщинами, и все красивые и умны. И что делать? Мозгам надо отдых, а телу можно дать и нагрузку. Три женщины за один день и только разговоры? Завтра у меня тоже трудный день. Я повернул к себе телефон и набрал номер.

– Я себя хорошо вел? – произнес я в трубку, услышав ответ.

– Изумительно, учитывая, что должен был давно позвонить. И я не ошиблась. Жду, – и назвала адрес.

9

Кабинет генерала заливал яркий свет майского дня. Шторы были раскрыты, и в окно виднелось небо, по которому кучерявые облака, иногда накрывая тенью землю, плыли рваными кучками. Но весь этот приятный, для глаз, пейзаж был не для находящихся в кабинете, а было там двое, сам хозяин кабинета и Виктор Николаевич, что держал в

руках папку, из которой только что достал несколько фотографий, их генерал и просматривал. Виктор Николаевич, молча, наблюдал за лицом начальника, но оно было невозмутимым. «Даже природу рассматривают более эмоционально, а здесь мертвая мимика», – подумал он.

На фотографиях, была многолюдная улица, с множеством баров, кафе, магазинов, но среди этого многообразия человеческих лиц, в кадрах всегда был один и тот же мужчина: вот он рассматривает витрину, а вот он уже беседует со светловолосым человеком, а вот уже к ним присоединилось еще двое мужчин, разглядывающих внутренности целлофанового пакета. Отложив фотографии, генерал взглянул на Виктора Николаевича: – Рассказывай.

– Операция прошла не так, как хотелось бы, как идеальный вариант, но не все так плохо. На фотографии, рядом с нашим агентом – Лениц, тот, что готов передать информацию. У нас были опасения, что за ним могут присматривать, а потому наш агент, должен был это проверить и на встрече лишь сообщить, где передаст деньги, а пока принес просто журналы, о чем Лениц не знал. Опасения, к сожалению, оправдались. Наш агент, как и задумывали по одному из возможных вариантов – отвлекающий, но все-таки была мысль, что он будет основным. Не удалось. Швейцарская разведка была на хвосте, кто-то ей сообщил. После задержания нашего сотрудника отпустили, и он сейчас работает в отделе посольства.

– И кто мог сообщить? Не было, как понимаю, оснований у швейцарцев подозревать нашего сотрудника?

– Те, кто владеет кодами. Кто же еще.

– А кто там, на фото в темном костюме?

– Не известно, я думаю, это тоже подставной, некая демонстрация, чтобы показать, что все под контролем.

– Не очень умно.

– Как сказать, – возразил Виктор Николаевич. – Чаще всего, когда его обнаруживают, он уходит, а истинный наблюдатель остается. Он тоже может присматривать, а нет ли кого еще? Двойная игра с обеих сторон.

– Известно кто истинный?

– Мы не знаем. Народу вокруг много и истинным наблюдателем может быть кто угодно, хоть вот это мужчина, – указал Виктор Иванович на мужчину, – хоть вот эта женщина. В нашей базе данных знакомых нет, мы проверили.

– А есть на этих фото наш нелегал?

Виктор Николаевич посмотрел на генерала и несколько неуверенно, как бы извиняясь, произнес: – Даже, если он здесь, я бы сказал, что не знаю.

– Значит, в лицо вы его знаете?

– Лично я нет, но есть пара человек, кто знает.

– Интересный агент, даже в личном деле нет фото.

Виктор Николаевич понял, что генерал изучал личное дело ZERO, но свои догадки оставил при себе, лишь медленно сказал: – Потому и работает, а так, возможно, нашлись

бы желающие его сдать.

– Как ему удается прятать свое лицо.

– Это знает только он сам, но уверен, что он был где-то рядом и все видел. Накануне, он встречался с нашим агентом, и тот ему сообщил о месте и времени встречи с Ленцем. ZERO опытный человек, и все проверяет сам.

– Он встречался? Значит, подставной мог видеть его лицо?

– Нет, – уверенно заявил Виктор Николаевич. – Нелегал в совершенстве владеет искусством перевоплощения. Он может не только изменить внешность, но и походку. Он профессионал. Наш агент не видел его лица, это он сообщил.

– Понятно. И что теперь?

– Ждать. Мы же с самого начала подставляли агента, а значит, вся тяжесть операции переходит к ZERO. Он видел Ленца, видел всю ситуацию.

– А переправка?

– Либо он передаст данные через тайник, либо вывезет их сам, а потом передаст. Сейчас важно другое, как ZERO получит данные от Ленца.

– Ему нужна помощь?

– Не знаю, но нет смысла. Если даже он увидит сигнал, то на связь не выйдет, пока не завершит операцию, если только ему самому что-то не понадобится. Не будет рисковать.

– И как мы узнаем, что операция завершена? Когда.

– Только ожиданием. Через пару недель он проявится, если все удалось.

– А если нет?

– Значит, его уже нет.

– Мрачная перспектива.

Генерал встал из-за стола, прошелся по кабинету и сел напротив Виктора Николаевича: – Подставного отозвать, срочно. Не известно зафиксирована его встреча с ZERO или нет. Пусть нелегал выглядел, хоть, как женщина. Свяznego могут вызывать для уточнения деталей, поэтому отзовайте.

– Хорошо.

– А в качестве кого там ZERO?

– Я вообще не знаю, чем он занимается.

– Идите.

Виктор Николаевич забрал фотографии со стола генерала и сложив их в папку, которую застегнул на молнию, вышел.

Генерал вернулся на свое кресло и сидел в задумчивости, тихонько выбивая пальцами дробь по столу. Из этого молчаливого, мыслительного процесса его вывел телефонный звонок. Он снял трубку: – Слушаю.

Пока он слушал, что ему говорили, ни один мускул не дрогнул на его лице, и видимо, когда собеседник на другом конце закончил, ответил: – Я все понимаю, но сейчас к операции подключился еще один сотрудник... Ну, что делать, пусть

вариант худший, но есть вероятность, что операция будет выполнена. Нам не известно, как он это сделает, да и хорошо это, я думаю... Да, я зайду к вам.

Положив трубку, он посмотрел на телефонный аппарат и, вздохнув, нажал кнопку вызова секретаря.

10

Домой я вернулся глубокой ночью. Наша встреча с Алиной, была необременительной: ни каких обязательств, ни каких планов, так, два одиночества встретились. Так бывает. Остаться до утра я не собирался, да и она не настаивала. Провожала она меня в неглиже, но глаза, хоть и немного усталые, смотрели на меня выразительно, без слез и сожаления о потраченном времени, а уж тем более, от моего ухода. На прощание чмокнула в щеку: – Я дико хочу спать, а тебе еще ехать. Сочувствую.

– Мне приятно, что мне еще кто-то сочувствует, хотя бы десять минут, пока ты доберешься до кровати и провалишься в сон.

– Не обольщайся, мне хватит и пяти минут.

Выйдя на улицу, я на такси, которое вызвала Алина, я доехал до отеля, и вскоре входил в свой номер. Быстро раздевшись и заведя будильник, чтобы не проспять утреннее свидание с Линдой, я последовал примеру Алины. Если она отвела себе пять минут, то мне хватило секунд тридцать, чтобы помучаться в борьбе с бессонницей.

Внутренний будильник заставил меня открыть глаза еще до того, как раздался писк часов. Несмотря на то, что спал я мало, пошевелив головой, я понял, что она не возражает против моего подъема, и не будет настаивать на продолжении сна. Контрастный душ довершил мою побудку, и через полчаса я сидел за столиком в ожидании Линды. Она оказалась женщиной пунктуальной, и появилась в дверях ресторана во время. Не смотря по сторонам, она направилась к столику, за которым увидела меня. Как галантный кавалер, я помог ей сесть, и этот мой поступок заметили присутствующие в зале мужчины, только жаль Джона не видел, интересно он уже переехал, или его график не совпадает с моим? Надо будет вечером заглянуть в бар.

– Заказывай, – великодушно предложил я Линде. – Угощаю.

Она засмеялась: – Да, такого я еще не испытывала, чтобы меня угощали завтраком.

– Не верю. Чтобы тебя не угощали завтраком? Не верю.

– Я имела в виду в ресторане.

– Теперь верю.

Мы сделали заказ и Линда поинтересовалась: – Как прошла встреча?

– Несколько неожиданно, но достаточно приятно, чего я не ожидал, – вспомнил я Алину и ее роскошное тело.

– Я же говорила, что ты не останешься один, если захочешь.

– Как ни странно, вчера днем я таких планов не строил, но так получилось, а я не сопротивлялся.

– Тем лучше. Приятная неожиданность, – Линда поняла, о чем я говорю, и с иронией спросила: – Тебя изнасиловали?

– К счастью обошлось, но вероятность насилия ходила очень близко, и я решил не стоит доводить ее до крайностей.

Принесли завтрак и мы приступили.

– А чем ты занимаешься, когда рядом нет женщин?

– Женщины рядом, почти всегда, даже на работе. Я галерист, у меня в Париже салон. И скажу сразу, здесь я, отдыхаю.

– Не устал от Женевы? Город не большой.

– Пригласили завтра в горы.

– Да, надо бы на выходные тоже уехать.

– Одной? И куда?

– На какой вопрос отвечать первым? – Линда оторвалась от десерта. – Куда не решила, и может быть, даже одна.

– Не любишь общество?

– Твое принимаю.

– Это намек?

– Смотря, какой смысл ты вкладываешь в свой вопрос?

– Самый невинный.

– Я с тобой общаюсь, вот и общество.

– Ну... Я могу спросить, найдется ли место в компании и для тебя.

Линда отодвинула тарелку и поднесла к губам чашку с ко-

фе, но пить не стала: – Не думаю, что хорошая идея. Разве что, ты скажешь, куда поедете. Во всяком случае, это будет выглядеть, как случайность. Полагаю, поедешь с женщиной, а я там, точно лишняя. Ты здесь надолго?

– Не думаю.

– Ну, вот и оплатишь мне мое согласие тебе подыграть.

– Договорились. Куда звонить?

Линда достала визитку и протянула мне: – Позвони. Мне пора.

– Ты будешь ждать?

– Не исключено, если вокруг столько женщин, значит, есть что-то в тебе, что я не заметила, – с ухмылкой ответила она.

Она чуть отпила кофе и поднялась: – Спасибо за завтрак, его я точно запомню, – и направилась к выходу.

Я смотрел ей вслед. В случайности я не верил. Ну, что же, не все так плохо, интересно другое, зачем ей поездка? Присмотреть за мной? Так она ничего обо мне не знает. Стоп. Если она вдруг имеет отношение к МИ-6, то не факт, что мое фото там не всплыло, а уж «друг» у меня там есть. Да, не хотелось бы, чтобы он проявился. Я унял свою фантазию, что разыгралась, не надо гадать, посмотрим и не только на горы.

Расплатившись, я поднялся в номер, прихватил кое-что из вещей и, сложив все в небольшую сумку, вышел. «Вольво» стоял на парковке. Решил, что не лишне будет проверить-ся, тем более что предстоящее дело не давало возможности

появиться там, куда я направился, под видом Жана Марше. Еще в номере я вставил контактные линзы, надел очки, чтобы кто случайно не увидел, что глаза изменили цвет.

Поездив по городу, я проделал привычный маневр и за городом, сменив одежду, надел парик, так что не отличишь от настоящих волос, и вернулся в Женеву. Выйдя из машины, я на секунду остановился, словно размышлял в какую сторону пойти, а заодно осмотрел пространство. Махнув рукой, я случайно задел за куртку ключами, и они упали на асфальт, нагнувшись за ними, бросил взгляд вдоль улицы, поднялся и зашагал. Метров через пятьдесят, я резко остановился, и пошел назад. Это был стандартный прием. Дойдя до машины, открыл ее и достал из багажника сумку, и вновь продолжил путь, по улице, которая была достаточно узкой, и по ней могли проехать не более двух машин. На этой улочке были небольшие банки, своего рода молельные дома для финансистов и денег. В таких банках вам не будут навязывать сделать вклад. Эти банки даже не обязаны называться банками, но по своей сути, это были банки, не такие, как «Креди Суисс» с блестящими, начищенными окнами и дверьми. Эти банки, были костями финансовой системы, и были всегда в тени гигантов. Их иногда трудно найти, можно пройти мимо и не заметить, потому, как стоят они в ряду обычных домов. Сотрудников в таких банках мало, но это швейцарская финансовая система с ее тайнами вкладов.

Я подошел к неприметной двери и нажал кнопку, раздался

звук, и, потянув ручку двери на себя, вошел внутрь, где практически сразу оказался в небольшом холле, интерьер которого был выполнен с большим вкусом: кожаное кресло, диван, а между ними маленький столик. В дальнем конце виднелась дверь. Холл был пуст, зато были видеокамеры, потому-то, мне и нужен был маскарад. На столике лежали газеты и журналы на двух языках, и я уже направился к креслу, но тут дверь открылась, и в холл вышел мужчина средних лет, с коротко постриженными волосами. Выражение лица было учтивым.

– Добрый день. Я, Пьер Рено. У вас конфиденциальное дело? – спросил он по-французски.

– Да.

– И в чем оно заключается?

– Я бы хотел снять деньги.

– Вашу сигнатуру (набор характеристик, однозначно идентифицирующий объект), – и подойдя к столу, возле стены предложил: – Прошу вас, – и указал на кресло напротив стола, сел сам, достал бланки и канцелярские принадлежности. – Несколько формальностей.

Я понимал, что он хочет от меня. Надо было написать цифры, которые заменяли имя, они-то и являются сигнатурой держателя. Стандартная процедура.

– Будьте добры, напишите, пожалуйста, пароль. – Он подал мне бланк, и я написал последовательно цифры. Писал я левой рукой, не напрягая ее, чтобы все выглядело естествен-

но. Операция была разовой, и цифры были те же, что и в газете в парке, об этом мне сказал связной там, у водопада, так на всякий случай, который и произошел. Только теперь я к каждой цифре добавлял двойку.

Служащий взял заполненный мной бланк, улыбнулся, и, попросив подождать, удалился проверять, скрывшись под звук электрического замка за дверь, из которой вышел ко мне. Отсутствовал он недолго, а появившись вновь, сообщил, что все выглядит очень удовлетворительно, и пригласил войти в одну из дверей, с узорчатыми стеклами.

Из банка я вышел, неся немного потяжелевшую сумку, в которой лежало сто тысяч швейцарских франков. Улица была почти пустынна, чего нельзя было сказать о других, где, как и прежде, было многолюдно. Я побродил по городу, вернулся к машине и направился в район, где располагалась компания «КРИПТ». Рабочий день закончился, и сотрудники начали выходить из офиса. Сначала я увидел Анну; она, подойдя к своему БМВ, уехала, а затем увидел Ленца. Судя по направлению движения, он шел домой. Сначала я шел за ним шагах в пятидесяти, а затем обогнал его и, зная адрес, припарковался недалеко от многоквартирного трехэтажного дома.

Ленц появился минут через пятнадцать, был он один и, не осматриваясь, вошел в подъезд. Жил он, как мне было известно на третьем этаже, и один. Дав ему время войти в квартиру, я вошел в подъезд, и, подойдя к двери его квар-

тиры, посмотрел на замок, открыть не проблема. Конечно, можно было ждать его дома, но я не знал, когда он придет, и один ли?

Замок, легким щелчком, известил, что он открыт. Толкнув дверь тыльной стороной ладони, я приоткрыл ее и прислушался. Где-то в глубине квартиры раздавался голос Ленца, он что-то напевал, и раздавался звук открываемых дверей шкафов. Войдя, тихо прикрыл дверь. Осмотрелся. Небольшая прихожая с вешалкой, маленьким стульчиком, полочкой для ключей. Пройдя дальше, заглянул на кухню, две двери из прихожей могли вести в ванную и туалет. Комната куда я вошел, была большой, оклеена светлыми обоями, уютная мебель, стандартная для одинокого мужчины, но со вкусом обставлена. На столике лежал ноутбук. Поставив сумку на пол, разместился в кресле, так, чтобы выходя из другой комнаты, Ленц меня увидел.

Ждал я не долго. Ленц что-то напевая, появился на пороге и, увидев меня, замер. Он даже испугаться не успел, как я предупредил его: – Не надо шума, я вам ничего плохого не сделаю, я зашел по делам.

– Кто вы, – наконец выдал из себя, понимая, что, когда приходят по делам, то договариваются и замки не вскрывают.

– Даже, если я назову какое-либо имя, это не значит, что он подлинное. Не стойте в дверях, присаживайтесь, я все объясню. У меня нет оружия, но я попросил бы вас без суеты

и руки положить на стол.

Ленц сглотнув слюну, сел на стул, возле стола. Передо мной сидел напуганный человек, уставший от напряжения последних дней. Я решил, что не стоит его держать в таком состоянии и портить сборы.

– В этой сумке сто тысяч, которые вам обещали. Вас вместе с одним человеком задержала разведка, и, проверив, отпустила. А что там, в пакете, всего лишь журналы, знал лишь он. Вы и сами не ожидали такого развития событий, но держались молодцом. Я, все видел. Тот человек уже не сможет прийти, а интерес к информации не исчез. Вот я принес деньги и хочу получить, товар.

– Мы договаривались, что он мне позвонит, если что.

– Извини, забыл спросить у него твой номер, мы с ним мало знакомы. Кстати, свой номер напиши, – и я протянул ему листок бумаги, вынув из принтера.

Он послушно записал номер: – У меня нет здесь информации.

– Бросьте Ленц. Вы же не глупый человек. Давайте проясним вопрос. По какой-то причине вам нужны деньги и мне безразлично зачем. Вы готовы продать информацию, а продать ее надо тому, кому она интересна. Но, я думаю, что дело не только в деньгах. Вас недооценивают, вот вы и решили проявить некую изобретательность и стали потихоньку выносить информацию, скапливая ее у себя. Не понесли же вы ее в банк, часто там бывать подозрительно, поэтому она у

вас здесь, дома. Вы же не чувствуете угрызений совести, так что ее хранить? И тут появился я. Таким образом, кроме морального удовлетворения, есть и материальное. Вам нужен чужак, вроде меня, который вам не очень нравится, поэтому нужно, чтобы я быстрее ушел. А как вам приятно будет раскрыть эту сумку. Вам же безразлично, что я сделаю с информацией: уничтожу или буду играть ей. Давайте подведем итог. Вы продаете то, что вам не принадлежит, человеку, который вам неприятен. Давайте закончим все быстрее и разойдемся.

– Я могу посмотреть? – кивнул он на сумку.

– Можете.

Ленц встал, поднял сумку и, поставив на стол, открыл ее. Вид уложенных пачек денег, придал ему уверенности.

– А куда я их сейчас дену? Банки закрыты.

– Ваши проблемы. Я мог бы дать чек, но вы его не примете. Вот они наличные, ваши.

– А что потом?

– Что потом, – не сразу понял я. – А! Да ничего. Разойдемся. Если у вас мелькнула мысль, что я вас убью, и заберу все, абсурд, я не убиваю.

– Почему я должен вам верить?

– Причин нет, – заверил я, – но деньги вот, а иначе я мог обыскать дом, но у нас сделка.

– А откуда мне знать, что вы вместо него?

– А какая вам разница?

– Действительно, – вдруг согласился Ленц. – Подождите, – и он вышел в спальную. На всякий случай, я встал и спрятался за дверь, кто его знает, с чем он вернется: данными или пистолетом. Ленц вернувшись, увидел пустое кресло.

– Я здесь, так для подстраховки, – окликнул я его из-за спины.

– Я не держу в доме оружия.

– Похвально. Так что?

Он показал флэшку, которую держал в руке.

– Подключайте, посмотрим, что у вас там.

Ленц включил компьютер и вставил в разъем флэшку. На экране возникли цифры с расшифровками. Как пользоваться я умел и понял, что похоже на правду.

– Хорошо, а теперь скопируй все на мою, – и протянул ему флэшку, которую купил в магазине.

– Возьмите эту.

– Ленц, вы специалист в своей области, я в своей. Где гарантия, что в вашей нет чего-то, что позволит ей подавать сигнал, если ее где-то включить или она вдруг сотрет все содержимое, если не признает компьютер

Он послушно вставил мою флэшку, скопировал и вернул ее мне.

– А теперь распечатай.

– Зачем?

– Для страховки, о чем я говорил выше.

Он пустил файл на печать, вся информация убралась на

трех листах. Я положил мои трофеи в карман.

– А теперь алгоритм.

– У меня нет.

Я знал, что он обманывает, на флэшке были и другие файлы, но пока не стал показывать, что понял.

– Деньги ваши, почти.

– Что значит почти? – напрягся он.

– Я вас не трону, не напрягайтесь. Меня интересует еще один вопрос. Кто за вами стоит?

– Я не понимаю.

– Не думаете же, вы, что разведка подошла случайно. За тем агентом было наблюдение, которого не было накануне. Учитывая, что он был чист, то его могли вести, или на него навел кто-то, и при том, сообщили о деньгах, почти перед встречей. И кто это мог сделать кроме вас?

Ленц сверху вниз смотрел на меня. Взгляд его был полон страха. Он не мог назвать имя этого человека, в нем сейчас сидел животный страх. У меня сложилось впечатление, что он сейчас упадет в обморок, если решиться на это.

Я взял его за голову, чтобы не дергался, и одним пальцем руки прикоснулся к известной лишь специалистам точке, да и то не всем. Дыхание Ленца стало прерывистым, я отпустил, и пока он не пришел в себя, я быстро вынул его флэшку из ноутбука.

Роды по выдавливанию имени были тяжелыми. И тут я подумал, что не стоит произносить все вслух, может быть, по-

этому и боится. Я пододвинул ему лист, и он написал Джон, я кивнул в знак согласия.

– Ну, ладно, – произнес я. – Деньги ваши, – забирал свой листок, после чего подняв сумку, вывалил ее содержимое на стол. Пачки денег раскатились, но меня они не заинтересовали.

– Постарайтесь в понедельник вечером быть дома, я позвоню. Вдруг информация липа, – бросил я ему перед уходом и быстро повернувшись, вышел из комнаты. Входную дверь открыл, обмотав руку платком. Уходить надо было быстрее. Не было у меня уверенности, что его квартиру не прослушивают, да и пальчики не снимут. Потому и забрал сумку, а к деньгам не прикасался, даже в банке, используя печатки.

Выйдя из дома, я направился в противоположную сторону от своей машины, зашел в магазин, купил бутылку воды, и направился назад. Надо было выждать, вдруг, кто придет после меня. Подождав в машине, я убедился, что все чисто. Разумно. Если есть жучки, то они не дежурили рядом с домом и не успевали, так как, ждали звонка. Если слушали, то поняли, что пришел не дилетант, и ловить его не получится, а сам он может наблюдать со стороны. Но была вероятность, что Ленц сам все расскажет, почти все. Но это лишь мои версии, а какова будет реальность, покажет ближайшее будущее.

Выехав со стоянки, я нашел тихую улицу, быстро снял па-

рик, достал с заднего сиденья пиджак и, приняв прежний вид, поехал в отель.

11

Поднявшись к себе в номер, я завалился на диван, вытянулся и настроился, чтобы мысли посетили мою голову, а точнее пришли в порядок. «Допустим, Ленца подставили, чтобы вычислить, кто придет, в данном случае меня вычисляли. А моя задача, не дать им такой возможности. Пока они обо мне ничего не знают, но они тоже профессионалы их, может быть, здесь несколько человек, а я один. Да, пока надо мной небо чистое, но ураган всегда приходит неожиданно. Надо сначала разобраться с флэшками», – решил я. Проверять на своем ноутбуке я не стал, а направился в город.

Выйдя из отеля, я прошел несколько кварталов. Город был чист, спокоен, доброжелателен, несмотря на множество людей. Пятница, вечер. Все бары и кафе были заняты, но они меня сейчас мало интересовали. Я зашел в ближайший интернет-салон, что располагался в небольшом старом здании. Сев за компьютер в углу, чтобы не видно было моего монитора, я вставил флэшку Ленца в разъем и просмотрел. Ну, Ленц, все вытащил с работы. Там было то, что мне и надо, а именно – алгоритм формирования кодов. Коды можно поменять, а вот основу их сложнее. Я обратился к служащему, могу ли я распечатать необходимую мне информацию, на что получил положительный ответ. Распечатав файл, я распла-

тился и покинул салон.

Надо было освободиться от флэшек, рисковать не хотелось. Теоретически можно было позвонить оставить в тайнике под скамейкой, в том же парке, но я отбросил эту мысль. Вечер, много народа, да и не хотел я никакой связи, никаких звонков, рассчитывать надо было только на себя. С личной флэшкой мне было ясно, а вот, чужую, надо вернуть, чтобы не было подозрений, что алгоритм известен, иначе вся операция не стоит усилий. Ленц, если он под присмотром, может рассказать, что флэшка пропала, хотя, что на ней, говорить не в его интересах.

Были варианты: первый пойти к нему и подбросить флэшку, второй подбросить ему в Альпах, он же собирался туда на выходные. Но Ленц, не дурак, и поймет, что ему ее подбросили. А кто? Только тот, кто имел доступ к его вещам, а это могло указывать на меня в том числе. Прямых улик не было бы, но подозрения будут, тем более я в этой компании чужой.

Я выбрал для проверки первый, если его не будет дома, то подброшу, а так иной вариант придется реализовывать. Флэшка должна вновь быть у него. Я направился к дому Ленца, но мне не повезло, окна его квартиры были ярко освещены.

Ну, что же, будем рассчитывать, что повезет потом, а сегодня он проживет и без нее. Свою флэшку и бумаги я положил в автоматическую камеру хранения на вокзале, и уже на такси приехал в отель. Поднявшись в номер, позвонил Элен:

– Извини, ты, наверное, вся извелась, что не звоню.

– Я вообще удивлена, что ты звонишь.

– Я же обещал, и я хочу домой.

– Ты там что, один?

– Один, – притворно вздохнул я, – но завтра еду в горы.

– Голову там побереги, еще пригодится.

– Ты меня оберегаешь от лавин или от женщин?

– От второго тебя оберегать не надо, это их от тебя надо оберегать. Не сомневаюсь, что едешь не один.

– Угадала, но я скоро приеду, не скучай.

Мы обсудили дела. Там, в салоне, у Элен все было хорошо и понятно, не то, что здесь.

После разговора с Элен я набрал номер Анны: – Не отвлекаю тебя от семейного ужина? Хотя, если и помешал, извиняться уже поздно.

– Я и не жду извинений.

– Так что завтра?

– Будь готов в восемь, я за тобой заеду.

– И куда повезешь?

– Поправлять здоровье. Едем в Лейкербад.

– Я плохо катаюсь на лыжах.

– А плаваешь?

– Там, что, есть море?

– Там горячие источники, термальные.

– Значит, будем вариться.

– До завтра, – не стала она комментировать мои высказы-

вания.

С чувством выполненного долга, я спустился в бар, где к моему удивлению застал сидящего за барной стойкой Джона. Линда была там же, но сидела за столиком, со своими престарелыми компаньонами. Кивнув Джону, я прошел мимо него, к Линде.

– Добрый вечер. Разрешите? – поинтересовался я, и, получив согласие, присел на свободный стул, чувствуя на своей спине прожигающий взгляд Джона.

– Мы едем в Лейкербад, – сообщил я Линде. – Буду рад тебя там видеть.

– Возможно, – ответила она, – я еще не решила.

– Ну, так, чтобы знала, где меня искать.

– К сожалению, тебя потерять сложно.

– Тогда я попробую исчезнуть хотя бы сейчас, – поднялся из-за столика и направился к Джону.

– Ты все-таки взял крепость, – было первое, что он сказал, когда я сел на табурет рядом.

– Без видимых усилий. Я не думал, что застаю тебя здесь, думал ты уже переехал.

– Как видишь, пока здесь. И как тебе это удалось? – спросил Джон.

– Ты, думаешь, что я тебе расскажу свои тайны? Тогда нас будет уже двое.

– И что было?

– Джон, я плохой рассказчик, и на подобные темы не рас-

пространяюсь.

– Как хочешь, – произнес огорченно, но было в его голосе некое безразличие. – Отдохнуть не устал? – сменил он, к моему удивлению, тему.

– Отдохнуть, не работать. Завтра поеду в горы.

– С ней?

– Джон, в Швейцарии есть и другие люди. Куда повезут, туда и поеду.

Мне не хотелось задерживаться, очень хотел спать; предыдущая ночь была короткая, а день трудным. Я попрощался и постарался быстрее добраться до постели, но планы мои в очередной раз были нарушены. Выйдя из душа, завернутый в бежевый халат, я услышал легкий стук в дверь. «Кого это принесло?» – посетила меня мысль, но, не зная ответа, тут же исчезла. Нет, я все-таки живой человек и продолжал радоваться жизни, потому что, еще не разучился удивляться, и это при моей-то тайной. Я мог предположить все, что угодно, но не это. В дверях стояла Линда. Ничего не спрашивая, я посторонился, давая ей, возможность, войти в номер, выглянул в коридор, он был пуст.

– Я одна, – услышал я за спиной ее голос и, закрыв дверь, вошел в комнату. Линда уже расположилась в кресле.

– Что-нибудь выпьешь? – предложил я для начала разговора.

– То, же что и ты, – ответила она.

Я подошел к бару налил два мартини, добавил льда и вер-

нулся к ней, протянулей бокал, а сам разместился на диване.

Линда отпила: – Умеешь делать пропорции.

– Я вообще много, что умею.

– Не сомневаюсь, например, не удивляться моему приходу.

Я хмыкнул: – А как ты думаешь! Стук в дверь и на пороге нимфа. Как не удивиться, просто в тот момент, у меня были такие эмоции, которые не смогли отразить мое состояние. Когда шок, не до эмоций. А если кто увидел, что ты входила в мой номер? Вот будут разговоры.

– Пусть. Раз уж мы играем, то нечего об этом думать. Я же тебе говорила, что мне все равно. А тебе?

– Мне нет, – и увидев ее вопросительный взгляд, пояснил: – Мне это льстит. Но чем-то я обязан столь неожиданному визиту?

– Спать еще рано, мои коллеги ушли. Они достаточно милые старички, с ними интересно, а одной быть не хочется. То, что я пошла к тебе, узнают быстро, я же спросила, в каком номере ты живешь.

– И назвала им мое имя?

– Нет, размер твоих ботинок, и не плохо, что я уже считаюсь здесь не свободной, отдав предпочтение тебе. Льстит?

– Спрашиваешь. Только вот мой вид не для приема.

– Не переживай, я догадываюсь, что кроме халата на тебе ничего нет. Я скоро уйду. Надеюсь, ты ни на что не рассчитываешь?

– Я, джентльмен.

– И в чем это проявляется?

– Есть старый анекдот «Мужичина, живущий один, во время грозы слышит стук в дверь. Открывает – девушка, мокрая, замерзшая. Он пускает ее ночевать, размещая в одной из комнат. Через некоторое время он слышит, что она зовет его. Когда он пришел, она сообщила, что ей холодно. Он принес свое одеяло. И так несколько раз, и каждый раз, он ее чем-то укутывал. Когда больше ничего не осталось, он спросил, как ее согреть. – Когда мне холодно, то мама согревает меня своим телом, – ответила девушка. – И где же я пойду искать вашу маму в три часа ночи!»

Линда засмеялась: – Ты такой же?

– Увы, нет. Во мне много пороков.

– А без них все становится блеклым. Я вот слушая тебя, подумала, что тоже поеду.

– Послушать меня?

– Если удастся. Я здесь не так давно и скоро уеду, а хочется побывать в Альпах

– Я тоже в ближайшие дни уеду. Домой.

– И кто тебя там ждет?

– Работа, но ты имеешь в виду женский пол. Я не женат и не планирую.

– А зря.

Я пожал плечами, давая понять, что каждый решает этот вопрос индивидуально. Линда допила маргини и подня-

лась: – Пойду. Утром рано вставать. Спасибо за мартини.

– Так, может быть, тебя захватить?

– Решай сам, по обстоятельствам.

– Тогда на всякий случай, будь одета.

– Когда меня не раздевают, я одеваюсь быстро, все вещи там, куда я их положила.

Она ушла, оставив в номере легкий аромат духов. Что ей нужно? Ни о какой близости не могло быть и речи, она неглупа, чтобы зацепить меня этим, да и не видно, что была настроена, а я так просто хотел спать.

Утром в половине восьмого я уже сидел в вестибюле в ожидании Анны. Через стеклянную дверь я увидел ее автомобиль, и затем ее, вышедшую из машины. Прихватив сумку, где было все самое необходимое для поездки на два дня, устремился к ней навстречу.

– Доброе утро, я уже жду.

– Доброе. С вечера?

– Почти.

– Грузи свой багаж.

– Анна, тут такое дело... – начал я неуверенно. Она в ожидании продолжения с интересом смотрела на меня, и я, придав своим глазам кристальную чистоту и честность, сказал: – Я, живя здесь, познакомился с англичанкой...

– Красивая, – перебила меня Анна, но увидев мое лицо: – Ясно, могла бы и не спрашивать, иных не бывает. Продолжай.

И я рассказал ей, как все обстояло, умолчав о вчерашнем приходе Линды в мой номер. Все равно бы не поверила, что выпив мартини, она ушла.

– Вот я и подумал, может быть, захватим ее, там с кем-то пообщается.

– Ночевать она, где будет?

– А я?

– Мы, в одном доме, уже приготовленном.

Я не стал удивляться ее «мы». Анна не дождавшись реакции, даже не прочитав ее на моем лице, решила: – Придумаем что-нибудь. Найдем место, тем более, у нас будет еще пассажир.

– Надо полагать, мужчина?

– Да. Сегодня утром мне позвонил Ленц. Помнишь? – я кивнул головой. – Он попросил захватить его. Вчера вечером он выпил лишнего и не может садиться за руль, а друзья уже уехали, не дождавшись его. Обратно он сам приедет. Так, что зови свою англичанку.

Я положил сумку в багажник, и пошел звонить Линде. Не мог же звонить, показав, что знаю ее мобильный.

От стойки регистрации я набрал ее номер.

– Доброе утро. Ждем внизу.

– Я быстро.

Действительно, не прошло и пяти минут, как Линда спустилась вниз. Я познакомил женщин, и мы поехали за Ленцем. Вместе с Анной, я поднялся в его квартиру, но вида не

подал, что знаком с ее обстановкой, и бывал в ней. Сейчас квартира не была уже такой уютной и опрятной. Стул стоял криво, на нем в беспорядке лежали вещи. Сегодня мой визит был официальным. Я попросил у Ленца воды, Анна на что-то отвлеклась, и я бросил флэшку под стол, где стоял ноутбук, в самый угол.

Ленц вернулся, неся стакан воды, а я, осматривая комнату, вдруг заметил: – А что это там? – И нагнувшись, поднял флэшку.

Лицо Ленца, даже будучи помятым, стало разглаживаться: – А я ее вчера искал. Вот спасибо, – и взяв, он положил флэшку в карман куртки. Мы вышли. Еще бы, он теперь с ней не расстанется.

Из города мы выехали около девяти. Ехать предстояло два часа. По дороге Анна рассказала, что Лейкербад знаменит термальными бассейнами, которых там 22 и некоторые открытые, и все это на фоне гор.

Не доезжая города, Анна остановилась на смотровой площадке, чтобы мы могли полюбоваться красотой Альп. Я видел крутые лесистые склоны, мир заснеженных вершин уходящих в облака, ледники и ледяные потоки, спадающие вниз. Шум горных потоков и звуки гор нарушали тишину этого каменного мира. Здесь было уже прохладно, и я почувствовал, что это все-таки горы. Прохладный воздух проникал под одежду, цепляясь за кожу. В лицо дышала зима. Дышать было тяжелее и при каждом вдохе, гортань обжигал

прохладный воздух. Солнце, отражаясь от снега на склонах, ярко било в глаза, так что пришлось прищуриться. Не давая нам замерзнуть, Анна скомандовала, и мы поехали дальше.

12

Возле одного из отелей, где Ленцем был забронирован номер, Анна остановила машину и высадила его.

– Давайте, я тоже здесь выйду, – предложила Линда.

– Вы уверены, что здесь есть свободные места? – спросила Анна.

– Надо проверить.

Я был здесь гостем и не вмешивался в разговор двух женщин.

Мы втроем вошли в отель и узнали, что места есть, потому, как не сезон. Оставив Линду устраиваться, договорившись о встрече в два часа, чтобы пообедать, мы поехали дальше. Проехав по улицам, Анна подвела машину к большому дому – традиционному швейцарскому шале, во всяком случае, по замыслу. Оно стояло прилепленное к склону горы, сетчатая ограда окружала дом, через которую было видно подъездную дорожку к подъезду.

Выгрузив вещи, мы подошли к двери, ключи от которой были уже у Анны в руке. На первом этаже, в большом холле в серо-голубых тонах, освещение было тусклое, за счет закрытых жалюзи. На стенах висели копии картин разных стилей и вкусов. Мебели было мало, и она не заполняла пространство, создавая ощущение свободы.

Дав мне время оценить обстановку, Анна стала понимать-ся по лестнице на второй этаж, я последовал за ней. Налево от лестницы находилась большая гостиная с множеством окон, из которых открывался изумительный вид: долина покрытая зеленым ковром лугов, дома, словно игрушечные, разбросанные по ней, и все это в окружении гор. Вдоль стен гостиной, стояла старинная мебель, покрытая парчой, на окнах, в отличие от холла, висели толстые портьеры. В углу расположился камин, на котором тикали часы, отмеряя время, а в центре стоял большой стол, окруженный стульями с высокими спинками, и их строгий вид придавал величавость, словно требовал соответствующего поведения сидящих.

– Пошли дальше, – сказала Анна. В другом крыле была ванная, туалет, спальная, обставленная немногочисленной мебелью: огромная кровать спинкой к стене, по краям столики с лампами, и низкий туалетный столик.

Открыв дверь, я вышел из спальни на балкон. «Даже при сложности моей профессии, есть в ней несомненные плюсы, – подумал я. – Я могу видеть прекрасные места».

– О чем задумался? – спросила, подошедшая, Анна.

– Смотрю и чувствую, что я стал ближе к небу. Только здесь можно увидеть, как облака заблудились и плывут между гор, и кажется, что их можно потрогать руками. А скалы? Их природная красота не кажется грубой. Удивительное сочетание серой мрачности и силы, с нежной зеленью полей и чистыми горными реками. Выйду на пенсию, куплю себе

домик, только поменьше. Много ли надо в старости.

– А ты лирик.

– Если бы, но прикоснувшись к прекрасному, сам чему-то учишься.

– Надеюсь, говоря о прекрасном, ты говорил обо мне? – язвительно спросила Анна.

– Вне сомнения. А чей это дом?

– Друга моего отца.

– Поэтому ты с ним встречалась в пятницу?

– Я встречалась с отцом, а не с другом, – отреагировала Анна, поиграв в слова, – и друг, по просьбе отца, разрешил воспользоваться его домом.

– Ну, что? Время созерцать еще будет, мы же приехали отдыхать.

– Не уверена, что будет.

Знала бы она, как мне хочется, отдыхать, бездельничая, но, увы.

Переодевшись, мы отправились пешком по городу, зашли за Линдой, и за нами увязался Ленц со своими друзьями: двумя женщинами и мужчиной, а мы не возражали. Сначала мы посетили комплекс Walliser, где переходили из помещения в помещение: душ – парная – сауна – термальная баня – бассейн.

Уставшие, вышли под вечернее небо Альп, в котором звезды, в темном небесном куполе подмигивали, создавая романтическое настроение.

По предложению Ленца, решили отправиться поесть.

– Пойдемте, я знаю, куда надо идти, – поделилась Анна, и мы, пройдя по улочке, вошли в ресторанчик, расположенный на первом этаже двухэтажного дома. Внутреннее убранство заставило нас застыть на пороге. Здесь все дышало теплом и уютom. Стеллажи, заставленные фарфоровой посудой, композициями из живых цветов, чайниками, половичками, салфетками. На одном стеллаже разместились горшочки с горчицей, вареньем, душистым мылом, различные мази из трав. Мы прошли мимо лавки, на которой, свернувшись клубочком, прищунив глаза, лежала кошка. Столы были грубоватыми, как и большие тяжелые стулья.

Доверили сделать заказ Анне. Овощной суп, приправленный горными травами, мясные закуски и вино был нашим заказом для начала. Под занавес нам принесли пирог со страшным названием «Холера», начинкой которого были: лук, картошка, сыр и яблоки. Пирог, как пояснила Анна, – национальное блюдо, появилось в древние времена, когда свирепствовала холера, и обмениваться продуктами, было запрещено. Вот и готовили из того, что было дома.

Когда обед подходил к концу, Ленц вдруг сказал: – Вот сижу здесь, наслаждаюсь, а скоро вернусь к стандартному ритму, серым будням.

– А ты хочешь вечного праздника. Так надоест, – заметил его знакомый. – Жизнь интересна, когда есть цель, когда что-то представляет интерес. Самые унылые люди – кто ничем

не интересуется. Какова твоя цель?

– Не все цели достижимы, – уклончиво ответил Ленц.

– Не путай цель и желание, – поправила Анна.

– Пытаюсь. Хотя какое желание, может быть, у меня на работе, только цель, желания там не живут. Это нечто иное.

– А цель? – задала вопрос Линда.

– Подниматься по служебной лестнице, стать руководителем, повышать свой авторитет, чтобы знали мои способности, ну, и уже, как следствие, повышение материального благосостояния, для возможного удовлетворения своих желаний.

– А что мешает?

– Обстоятельства.

– Ленц, ты не прав, – вмешалась Анна. – Мне казалось, что у тебя на работе все хорошо.

– Но лавры пожинают другие, – с некоторой долей озлобленности, ответил Ленц, не конкретизируя в лицах.

Я слушал их разговор, и пытался уловить ту нить, которую натягивал Ленц, что была тонка и еле видима. То, что у него амбиции, я уже давно понял, он не удовлетворен, что ему не оказывают должных почестей. Это, а еще и меркантильный интерес, видимо, и толкнули его на продажу секретов. И собственное «я» будет удовлетворено, что его разработки еще кому-то нужны, и деньги не лишни.

– Знаешь, – несколько обиженно заявила Анна, – не ты один работаешь над заданиями, все работают.

– И ты в том числе? В одной с ним упряжке? – поинтересовалась Линда, – Вы, вообще, чем занимаетесь?

– Я математик, а Ленц – специалист шифровальщик.

– О! И ты свободно об этом говоришь?

– А что скрывать! Мы не военная организация, не государственная. Работаем на заказчика, разрабатывая ему программы, которые он заказывает.

– И кто они?

– Даже не интересуюсь.

– А ты что молчишь, Жан? – вдруг обратилась ко мне Линда.

– Слушаю, а вывод делаю такой, не надо лезть в дебри. Каждый занимается своим делом. Мне все равно, что делают их фирма.

– А если это относиться к какой-то тайне?

– Тем более. Я занимаюсь своим делом.

– Неужели не интересно, – продолжала она допытываться.

– Скажу, нет, никто не поверит. Интересно, но с обывательской точки зрения, не более, не вникая в детали. А вот ты чем занимаешься?

– Так, перешли ко мне. Меня всегда привлекали тайны и возможность их разгадки. Почему так? Что можно сделать?

– И какое это имеет отношение к тебе?

– Имеет. Я приехала разобраться в одной ситуации нашего представительства, и есть организационные вопросы. Все это требует анализа, принятия решения.

– Давайте оставим тайны специалистам, пусть они сами решают и думают, зачем и почему, а шпионы пусть добывают эти тайны, – предложил знакомый Ленца. – Среди нас есть шпион?

– Хороший вопрос, – засмеялась Линда. – Учитывая, что шпион это человек со стороны, то под эту категорию попадаем только я и Жан. А вы местные, значит, вы агенты иностранной разведки.

– Как ты мягко – проще предатели, – произнес Ленц.

– Да, как угодно. Хотелось бы мне посмотреть на агентов или шпионов, которые признались в этом.

– Но признаются же?

– Когда их раскрывают.

– Приходилось общаться?

– Нет, я из другой области.

– Ну, если мы здесь, все такие честные... – начал приятель.

– А вот этого никто не говорил, – перебил его Ленц.

– Действительно, промолчим. Честность, как и, правда, не всегда нужны. Давайте, заканчивать обед тем, с чего начали.

– Что? Снова суп? – спросил я.

Шутку поняли, и мы вернулись в область привычных пустых разговоров за столом.

Все это время, я осторожно наблюдал за Ленцем. Он был весел, но было в его веселье что-то наигранное, ненастоящее, не от души. Словно, он глушил в себе свои мысли, и пытался

веселить сам себя, что не очень удавалось. Возможно, что после вчерашних событий он и не поехал бы в Альпы, но и оставаться в Женеве он явно не хотел, опасался. Страх, вещь сильная, липкая, видимо, поэтому и напросился к нам, даже опоздав на встречу. Лишь бы уехать, забыться.

День подошел к концу, за окнами ночь вступила в свои права, погружая окружающее пространство в темноту, вызывающую иные ощущения, чем днем, порой даже напряжение. Уличные фонари рассеивали мрак, отвоевывая кусочки территории, где было светло и уютно.

Прощавшись, мы с Анной отправились к себе в дом, который поглотил нас обоих, и мы были сегодня его гостями. Уже за полночь, Анна, прижавшись ко мне, спросила:

– Почему ты один?

Я лежал и смотрел в потолок. Знала бы она, сколько раз я слышал этот вопрос, сколько раз, вот так, меня спрашивали об этом, и каждый раз приходилось отвечать что– то, похожее на правду. Что сказать в этот раз?

– Я не готов к семейной жизни, если ты это имеешь в виду. К жизни с одной женщиной, – уточнил я. – Мы же разные: женщины и мужчины. Нам и нужно разное в жизни. Женщины хотят отношений, и одни их получают, другие нет, но цель одна. И идя, к этой цели, им приходится переспать с множеством мужчин, чтобы понять и выбрать, с кем свою цель закрепить. У мужчин цели нет, настоящей цели. Богатство, иные блага – это, может быть, целью, но чисто внеш-

не. Мы идеалисты, придумываем что-то, находим кучу идиллических занятий, пытаемся заниматься спортом, и все ради того, чтобы скрыть свое отсутствие цели. Мы спим с одной женщиной, с другой, с третьей, и так пока не умрем, изобретая свою цель. А женившись, поиск, пропадает, и цель со временем становится сморщенной.

– А ты значит не сморщенный? Ты сам понял, что сказал?

– Надеюсь, ну а коротко, не знаю. Главное – мы разные и цели разные. Ищу, наверное.

– Видимо себя.

– Вероятнее всего, да. Найду себя, найду и женщину.

– Помощи просить не пробовал?

– Не люблю просить. А ты почему такая же, как и я?

– А я тоже в поиске. Но, правда, вынуждена тебя огорчить, ложусь в постель с мужчинами, не в поисках своей цели, не со всеми.

– Ясно – ты же математик.

– Ты думаешь, я в постели что-то вычисляю?

– Даже уверен, что нет. Иначе я бы сбежал.

– Куда? От меня? Сейчас?

– Да, ты права, – и я повернулся к ней.

На другой день мы еще прошлись по городу, побродили по склонам гор, извилистыми тропинками, но на этот раз вдвоем, а после обеда забрав, Линду вернулись в Женеву. По дороге Линда сообщила, что Ленц напился, и его увезли друзья еще до обеда. При этом она поинтересовалась у Анны, что

он из себя представляет.

– Нормальный мужчина, и каких-то особых странностей я за ним не замечала, но я его знаю только по работе.

– Он показался мне немного нервным. Как думаешь, Жан?

– Я не психолог, чтобы улавливать тонкие нервные звуки. А если ты и права, то, наверное, есть причины.

– Я согласна с Линдой, – вдруг поддержала ее Анна, – он был несколько нервным, встревоженным, и поэтому нес всякую ерунду, лишь бы не погружаться в свои мысли.

– Вам женщинам, легче почувствовать мужчину, – подвел я итог.

Когда машина остановилась возле входа в отель, Анна наклонилась, поцеловала меня на прощание, Линда и я покинули машину, и Анна уехала. К себе Анна меня не приглашала. Это я бездельник, отдыхающий, а ей утром на работу. Вместе с Линдой я подошел к лифту, она спросила:

– Когда планируешь уезжать?

– Вопрос праздный или имеет цель?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Дня, через два-три. Швейцария не так велика, чтобы здесь долго отдыхать. Думаю еще съездить в Лозанну и Берн. Но если у тебя есть иные интересы по вопросу моего отъезда, заходи, обсудим.

Линда вышла на своем этаже, целовать ее я не стал, как и она меня. Уже лежа в кровати, я подумал о том, что не про-

сто так завел Ленц разговор. Какую цель преследовал? Кого заподозрил, вызывая на ответы? Завтра надо будет нанести ему визит, но в качестве кого? Решив оставить ответ до утра, я уснул.

13

Сказать, что утро было мудрее вечера, я не мог. Вроде бы, коды, для расшифровки, я получил, задание практически выполнено, можно передавать, но пересекать границу, да и вообще, отправляться в путь я предпочитал только с личными вещами. Единственное сомнение было в верности скачанной методики. Как ее проверить? А если это липа? Сказать правду, мог только Ленц, и я должен был сверить, что даст мне он, с тем, что я скачал. Сегодня понедельник, а значит, он будет на работе, и надеюсь вечером дома. Бродить по городу, где я уже многое видел, не хотелось, я же отдыхающий, и в номере сидеть не мог. Вчера я сказал Линде, что возможно поеду в Лозанну или Берн. Вот в Лозанну и направлюсь, чтобы занять день. Приняв решение, я быстро собрался, завтракать решил по дороге; не хотелось ни с кем встречаться, даже с Линдой.

Мой «Вольво» был на своем месте, и я устремился из Женевы. По дороге посматривал в зеркало заднего вида, так по привычке. Все было чисто, и решил провести время, просто отдыхая, зная, что повлиять на развитие событий не могу. От Женевы до Лозанны всего шестьдесят пять километров и ме-

нее чем через час, я въехал в город. Машину оставил на границе города и дальше пошел пешком. Лозанна не большой город, в окружении холмов, поросших виноградниками. Я ходил по городу, наслаждаясь гармонией узких старых улиц, где стояли старинные красивые домики и вычурные фонарные столбы. В парке Эрмитаж посетил картинную галерею, где любовался шедеврами мастеров кисти: Сислея, Дега. Обедал в ресторане, где подавали фирменное блюдо Лозанны – «Моутард де бенишон» – желеподобная масса из белого вина, сахара, корицы и горчичного порошка.

После обеда посидел на набережной Уши, что на берегу Женевского озера. Это идеальное место для отдыха. Рядом с берегом покачивались катера, яхты. Я мог наблюдать, как воды Женевского озера блестели под лучами Солнца и в прозрачной воде отражались деревья, и лучи солнца, уже стоявшего в зените, бросали на поверхность веселые блики, а редкие облака, как вата, пробегали над ней своей тенью. Я сидел на скамейке, где вдоль аллеи стояли каштаны и тополя, создававшие атмосферу покоя и умиротворения.

Я отдыхал, если это можно было назвать отдыхом. Еще пару дней и я уеду. Уехать срочно было нельзя, надо спокойно размеренно вести себя, как положено отдыхающему. Хорошо бы еще выяснить, кто за всем этим стоит. То, что Ленца проверяли, не было сомнений, вероятно, хотели убедиться, что информация уходит, а знать надо наверняка. Что они предпримут, и кто куратор?

В Лозанне я старался бывать в людных местах, даже завтракал по дороге, при этом старался завести разговоры с официантками. Это обеспечивало мне то, что я действительно уезжал. Для чего мне это было надо, я не знал, но было не лишним. Так прошло полдня, а больше на Лозанну и не требуется, и я поехал обратно.

Вернулся в Женеву около семи вечера. Для встречи с Ленцем надо было опять прибегать к маскараду. Из ближайшего телефона автомата я позвонил ему, он оказался на месте:

– Добрый вечер. Я вам обещал позвонить. Вы будете дома, хотел к вам зайти?

– То, что вы позвонили, уже испортило вечер, но дома буду.

– Вы помните о том, о чем я вас просил?

– Да, все у меня.

– Скоро буду.

Повесив трубку, я еще раз мысленно прокрутил в голове наш разговор, и у меня возникло ощущение, что голос Ленца был напряжен. До этого по телефону я с ним не разговаривал и, возможно, он так разговаривает по телефону, но что-то мне это не нравилось. Появившиеся сомнения поставили вопрос. А надо ли идти? Если меня там ждут, то ничего хорошего мне это не принесет. А что плохого? Но если все-таки ждут, то моя маскировка только усилит подозрения. Да, это просто провал. Пришел галерист переодетый, да тут самый глупый догадается, что и к чему. А если? – мелькнула

мысль. Прокрутив ее со всех сторон на возможные проблемы, я нашел минусы, но и плюсы тоже были.

Я вернулся к машине и вскоре я подъехал к дому Ленца. Да, я мог не получить информацию, но это можно сделать и потом, позвонив и сославшись на обстоятельства, потому как увидел, что кто-то пришел к нему чуть ранее. Поставив машину на парковке, в стороне от дома, я уверенно подошел к двери квартиры и замер. Звонить было глупо, дверь была чуть приоткрыта. Я легонько толкнул ее, и она без скрипа открылась. Войдя, я не стал ее закрывать полностью, а также лишь прикрыл.

– Ленц, – позвал я его, но в ответ была тишина. Я прошел в комнату, и остановился на пороге, обращаться к человеку, сидевшему в кресле, было бесполезно. Ленц сидел расслабленный, руки висели вдоль подлокотников кресла, едва не касаясь пола, голова откинута на спинку кресла, а во лбу было маленькое круглое отверстие. Ленц был мертв. По логике мне надо было уходить, и тут я услышал знакомый голос:

– Руки подними, – и раздался звук закрываемой входной двери. – Пройди вперед и сядь за стол. Руки положи на стол.

Я сделал несколько шагов по направлению к стулу и, обойдя стол, сел. Пока направлялся к стулу, уловил еле заметный знакомый запах. В коридоре его не было, видимо сквозняк выдул. Обойдя стол, я оказался лицом к говорящему, которого я узнал по голосу – это был Джон. Он стоял в дверях комнаты, держа в руке пистолет с глушителем. Я не выгля-

дел испуганным, лишь придал выражение удивления своему лицу, подтвердив это голосом.

– И что все это значит?

– Вот и я хочу это знать. Начнешь ты, друг. Зачем пришел и кто ты?

– А ты что стоишь в дверях, проходи, садись напротив.

– Ничего я постою. Я жду.

– Кто я ты знаешь, а пришел к Ленцу проведать. Вчера мы были в Лойкербаде и на обратном пути Линда, ты ее знаешь, сказала, что ей Ленц показался нервным. Анна, моя знакомая, согласилась с ней. Вот я и зашел?

– И хочешь, чтобы я принял весь этот бред? А позвонить не мог?

– Сначала телефон был занят, а потом никто не подошел. – Я действительно сделал еще один звонок, но после нескольких гудков вешал трубку. – Вот и решил зайти, мне делать нечего. Да, без приглашения не принято, но бывают исключения. В крайнем случае, ушел бы и все.

– Складно, но не логично.

– Как есть. Это ты его?

– А ты смотрю и не напуган, – не ответил Джон на мой вопрос. – Что, часто убитых видишь?

– Нервы в порядке, да и что толку нервничать. Факт есть факт, я ему ничем помочь не могу. Так зачем ты его?

– А почему ты решил, что я? Я вообще, как и ты, увидел его мертвого, вдруг услышал шаги, подумал, что вернулся

убийца, и спрятался. Тут ты и вошел.

– Не складно.

– Это почему?

– Откуда ты его знаешь? Вот вопрос.

– Познакомились на улице, позвонил ему, и он пригласил в гости. Теперь складно?

– Нет. Опечатки пальцев на пистолете, раз, и не стал бы ты его направлять на меня, если бы был ни при чем.

– Ты всегда так все раскладываешь?

– Работа такая. Каждое произведение надо изучать тщательно, чтобы почувствовать подделку.

– Работа говоришь такая? – ухмыльнулся Джон. – А я думаю, что ты пришел за этим, – и он достал из кармана флешку, которую я еще в субботу, подбросил Ленцу.

– Зачем она мне?

– В ней много интересного.

– Даже для меня?

– Для всех. За нее много заплатят, если предложить.

– Я не покупаю.

– А я и не предлагаю. Этот идиот, – кивнул он на Ленца, – решил ее продать нескольким людям. Мы его вели, он работал на нас. У нас возникли относительно него некие подозрения, и мы подставили ему человека. Он уже вынес данные, а сегодня мы пришли к нему с деньгами. Вот тут все и выяснилось, только деньги он всего лишь и увидел, – кивнул Джон на сумку, которая стояла возле ножки стола.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Увы, Жан, ты пришел в не то место и в, не то время.

Это не плохая возможность списать все на тебя. Вы что-то не поделили и ты его убил?

– Ничего глупее не слышал.

– Не так уж все и глупо.

– Я галерист, что мы могли делить?

– Галеристы всякие бывают. А вдруг ты шпион?

– Ты собираешься вызвать полицию?

– Зачем подставлять себя? Все лучше, как нельзя лучше,

смотри, – после этих слов, он, не отводя пистолета, подошел к креслу, где сидел мертвый Ленц, и, глядя на меня, нагнулся и, поднял с пола пистолет, который мне не было видно.

– Этот пистолет он держал при себе и если бы не стал нервничать, то, возможно, все обошлось бы, но он психанул. Моя реакция лучше. В сущности, я только защищался, – решил поделиться Джон.

– И что дальше?

– Ты же умеешь думать. Вы выстрелили одновременно, он в тебя, ты в него. Так бывает.

– Но повод?

Джон достал из сумки еще одну флэшку: – Вот и повод. Здесь тоже информация, но она нам не мешает. Ее и найдут. Проведут дело и закроют. Красиво.

– Сценарий меня не устраивает.

– Какой есть, сам понимаешь, пишу на ходу.

– И ты вот так, можешь меня убить?

– А есть выбор?

– Я могу уйти и ничего не помнить, даже, что был здесь.

И ты можешь уйти, – предложил я.

– Это возможно, но мне придется с этим жить и помнить, что есть человек, который много обо мне знает. Да и версию для полиции надо подбросить. Ты, извини, ничего личного, не повезло тебе, не твой день.

– Возможно, но он еще не закончился.

Я не сводил глаз с Джона, отмечая каждое его движение. Сейчас я уже не думал, что мне надо говорить, сейчас должны работать инстинкты. Джон медленно поднимал пистолет Ленца. И тут я сделал то, единственное, что было возможно в этой абсолютно безнадежной ситуации, проигрышной ситуации, что не делают профессионалы, но не моего уровня, я мог себе это позволить, потому как обладал отменной реакцией и за мгновение, когда палец Джона нажал на курок, я упал. Выстрел был точным и тихим, пистолет тоже был с глушителем. Пуля разрежала воздух над моей головой и вошла в стену. Падая, я толкнул стол на Джона, а сам, пролетев под столом, ударил его ногой по левой ноге. Он потерял равновесие от удара стола и моей ноги, которых не ожидал, и пистолет Ленца выпал из руки. Одна его нога оказалась между моих ног и я, находясь под столом, зажал ее и дернул всем корпусом влево от себя. Удар стола, моей ноги и рывок, привели к тому, что он окончательно потерял равновесие, а мой

захват довершил дело. Джон упал. Схватив стол за ножку, я еще раз двинул его, удар пришелся по его телу. Я не давал ему возможности прийти в себя, сконцентрироваться. Ноги – это страшная сила, и не только у женщин, держали его.

Я изогнулся и схватил рукой пистолет Ленца, лежащий у ножки стола. Стрелял я неплохо с обеих рук, стрельбе «флэш» меня учил лучший специалист, который, увы, и погиб от моей же пули. Ученик оказался лучше, но это было давно. Я выстрелил, и пуля вошла в нижнюю часть головы Джона. Он сразу обмяк.

Все это заняло несколько секунд, которые я вырвал, сохранив жизнь, лишний раз, убедившись, что тренироваться надо систематически.

Выбравшись из-под стола, я осмотрел поле боя. Одна пуля ушла в стенку и там застряла. На взаимную стрельбу это не очень походило, и я решил использовать сценарий Джона, пусть принесет пользу, зря, что ли придумывал. Я перетащил его и положил на пол. Пистолет Ленца положил ему же, Ленцу, под правую руку, предварительно обжав рукоятку и курок его пальцами. Пусть с натягом, но все должно было выглядеть так, что Ленц сначала промахнулся, а потом, когда Джон подошел ближе, встречные выстрелы настигли обоих. Все было шито белыми нитками, но полиции этого должно было хватить, чтобы закрыть дело. Не будет она все проверять, хлопотно. Ленц стрелял снизу, сидя в кресле, а потому пуля и вошла Джону в нижнюю часть лица.

Пора было уходить. Звуки борьбы могли привлечь внимание соседей, но я потратил еще несколько драгоценных минут. Зайдя в спальную, я нашел в шкафу ниши сто тысяч швейцарских франков, которые и передал ему. Деньги казенные, что же их не вернуть, Ленцу они теперь не нужны.

На кухне нашел полиэтиленовый пакет с ручками, и сложил туда деньги. Заглянув в сумку, что показывал Джон, я ухмыльнулся, там было несколько сот тысяч евро, все были аккуратно уложены в пачки. Меня вновь посетила некая мысль, и я не касаясь сумки руками, поместил их к уже лежащим в пакете. Не перепутаю, валюта разная. Здорово он их раскрутил. Обошел комнату, на столе лежала флэшка с дезой, а рядом та, в которой была правдивая информация. Их я трогать не стал, как и забирать. Будет над, чем полиции подумать, возможно, что-то вернут в компанию. Это будет правильно, наверняка, полиция обратиться в «КРИПТ», и те, увидев, что там записано, точно попросят ее. Получается, что ничего не пропало. Что мне и надо, а у меня верная информация, флэшку я узнал. Она была белая, с синей полосой, с чуть потертой краской.

Взяв пакет, я тихо подошел к двери, а затем, не касаясь рукой ручки двери, а взяв платок, открыл ее. Ясно, что мои отпечатки были в квартире, я же заходил сюда в субботу вместе с Анной. Стол я поставил на место, а вот свежие отпечатки на ручке двери совсем ни к чему.

По дороге к машине, я заглянул в мусорный бак и нашел

там грязную тряпку, положил пакет с деньгами в багажник и небрежно сверху бросил ее. Идти в номер с деньгами – привлечь внимание своей ношей. Риск, что машину могут угнать был, как и посмотреть, что есть в багажнике. Но уж лучше так и остаться без денег, чем объяснять, почему у меня такая сумма наличных.

Уже стемнело, когда я поставил машину перед отелем и с несколько усталым видом, что не надо было и притворяться, получил ключи от номера, мельком обмолвившись с администратором, как мне понравилась Лозанна.

Приняв душ, я прокрутил в голове ход боя. Это необходимо, не зависимо выиграл ты или нет. Надо еще раз посмотреть в голове, чтобы извлечь урок. Ошибки были, но я жив, а это главное. Значит, принятое решение было верным.

После спустился в бар, где за стойкой пустовало место Джона, теперь уже навсегда, и я сидел в одиночестве. Линды тоже не было видно, как и тех старичков, что сидели с ней за столиком. Зазвонил телефон, звонила Анна:

– Ты куда пропал?

– Я оставил телефон в машине, когда выходил из нее, – оправдывался я, и это было правдой, идя к Ленцу, я телефон не брал. – Только приехал, был в Лозанне.

– Ясно. Понравилось?

– Еще бы. Давай завтра встретимся? – Предложил я, и Анна согласилась. С чувством выполненного долга, довольный сегодняшним днем, я отправился спать.

Утро. Спешить мне было некуда, поэтому я позволил себе посидеть в кресле, подумать. Выходить на улицу не хотелось. Тучи затянули небо, дождя пока не было, но, что ему стоило начаться в любой момент. Но даже не зависимо от погоды, которая слегка испортила настроение, мне надо было решить два вопроса: первый, – как быть с деньгами, второй, как передать информацию. Второй вопрос был тесно связан с первым. Я не собирался пересекать границу, пусть формальную с сумкой денег, с компроматом на себя. Любая лишняя деталь может иметь неприятные последствия: ограбят, авария и прочее. По поводу денег у меня появилась идея – часть из них оставлю здесь, а вторую, тоже здесь, но в ином виде. Я хотел еще съездить в Берн, и все это надо было совместить. Поразмышляв, я решил, что пора завтракать и в путь. Погода, погодой, но надо все завершить за пару дней. Утренние процедуры заняли не менее получаса, спустившись в ресторан, я не встретил Линду, чего не очень и хотел. Выйдя из ресторана после завтрака, я проходил мимо стойки администратора оттуда меня и окликнули:

– Месье Марше!

Я обернулся, и, видя, что девушка администратор смотрит на меня и подошел к ней.

– Вас ожидает полицейский, вон он сидит, в холле, на диване, – сообщила она. Удивившись искренне для нее, но не

искренне в душе, я повернул голову. Из кресла поднялся мужчина, лет под пятьдесят, с седыми волосами, его глубоко посаженные глаза были усталы. Подойдя, он представился: – Инспектор полиции Карл Пичкор.

– Что вас привело ко мне?

– Где мы можем поговорить?

– Можно в холле, можно у меня в номере.

– Лучше у вас.

Пока мы поднимались, то оба хранили молчание, и лишь разместившись в кресле, он спросил:

– Вы знаете Ленца Майера?

– Не могу сказать, что знаю Майера, но одного Ленца, знаю. И то лишь знаком.

– Это один и тот же человек. Когда вы его видели в последний раз?

– А можно узнать, почему такой интерес и этот визит?

– Вчера его обнаружили в своей квартире, убитым.

Я постарался придать своему лицу сочувствующее выражение: – Жаль. Мне он показался не плохим парнем.

– Так, когда вы его видели?

– Последний раз в воскресенье в Лойкербаде.

– Вы всегда были вместе?

– Иногда. Меня туда пригласили на выходные. До этого дня нас представили в кафе. И вот в субботу, он проспал встречу со своими друзьями и попросил Анну Гранди, его коллегу по работе и мою знакомую, захватить его. Анна меня

и пригласила. Мы там пересекались, даже обедали, но назад в Женеву возвращались без него.

– Кто с вами еще был?

– Инспектор, вы задаете вопросы, на которые уже знаете ответы. С нами была Линда Уэбли, англичанка. Мы втроем и вернулись. – Фамилию Линды я узнал, когда она регистрировалась в отеле.

– Вам его поведение не показалось странным, каким-то отличающимся от обычного?

– Нет. Я не знаю, какой он бывает обычно, а так его поведение не отличалось от нашего, в другой ситуации я его не видел. А можно вопрос?

– Да.

– Как его убили?

– Выстрелом в голову.

– Это серьезно, – задумчиво произнес я. – И как обнаружили?

– В полицию позвонили и сообщили, что из квартиры доносится шум и назвали номер дома и квартиры. Возможно, это кто-то из соседей, но вероятность мала. Наши граждане очень бдительны и назвали бы себя, хотя всякое может быть, вдруг не захотели иметь дело с криминалом.

– Ну, такое везде.

– Это не важно, сейчас. Значит, все было, как обычно?

– Инспектор, я не знаю, как обычно. У вас есть в отношении меня подозрения?

– Относительно вас, нет. Мы сейчас беседуем со всеми, кто хоть немного общался с ним в последнее время и знал, хоть немного.

– Увы, я действительно его мало знал.

– А дома у него бывали?

– Один раз, когда вместе с Анной, в субботу, заезжали за ним.

Инспектор поднялся и я из чувства солидарности тоже.

– Вы еще долго пробудете в Женеве?

– Через пару дней собираюсь уехать.

– Если вас не затруднит, то прежде, чем уехать, позвоните мне, вдруг будут вопросы, – и он протянул мне визитку.

– Хорошо, а если я вам буду необходим, то оставьте записку у администратора отеля и я перезвоню. Я посмотрел за окно и произнес: – Хотел сегодня поехать в Берн, может быть, там погода лучше.

– Может быть, – согласился инспектор и, попрощавшись, вышел.

«Этого следовало ожидать, – подумал я, – но и менять свои планы не стоит». Набросив куртку, прихватив зонт, и повесив сумку на плечо, я вышел из отеля. Проехав пару кварталов, остановился, достал из багажника пакет с деньгами, часть переложил в сумку, а пакет вернул в багажник.

Учитывая ситуацию, я поехал по улицам, пока все было чисто. Мой маршрут имел определенную цель, и вскоре я остановился возле «Салона Андре». Захватив сумку, я бодро

открыл дверь, звякнул колокольчик, и на его звон из двери, что вела во внутренние помещения вышла Алина. На этот раз на ней были джинсы и тонкий свитер. Первоначально она своим отличительным взглядом посмотрела в сторону двери, чтобы осадить вошедшего, что так бордо входит в мир искусства, но увидев меня, выражение ее глаз сменилось на милость.

– Это ты! Я уже думала, что не увижу тебя больше.

– Неужели скучала? – подошел я к ней вплотную, почти коснувшись ее груди.

Алина улыбнулась мне глазами: – Чуть-чуть, и это было давно. А ты?

Я глубоко вздохнул: – Разве тебя забудешь.

– Врешь, – сказала она без тени обиды, – но приятно. Такая ложь приятна. Ты, надо полагать, не ко мне пришел, – заявила она, не требуя ответа.

– Не к тебе, – признался я, – но вот никак не могу пройти мимо, мимо Ангела.

– Я на работе. Иди, а то меня уволят.

– Ангелов не увольняют. Андре у себя?

– Проходи, – и она осталась стоять, не двигаясь, так что мне пришлось обойти ее, и, зайдя за прилавок, постучать в дверь.

Андре сидел за столом и просматривал какой-то журнал с картинками. Увидев меня, он широко улыбнулся и отложил журнал.

– Рад тебя видеть. И что-то мне, старику, подсказывает, что у тебя ко мне дело.

– А если, просто так?

– Просто так, ты бы не прошел дальше Алины, остался бы с ней.

– Тогда остается признать, что твой опыт, верно, тебе подсказал о цели моего прихода, – сказал я, присаживаясь на небольшой диван. – Андре, я бы хотел купить у тебя картину.

Он удивился: – Покупай. Выбирай любую, даже скидку сделаю для тебя, можно посмотреть, что еще не выставлено.

– Ты не понял меня, Андре. Я же сказал, картину.

Тут он понял, что я имею в виду, не рисунки, что висели у него в салоне, а настоящее произведение искусства, настоящую картину, которые не висят для всеобщего обозрения, их продают из рук в руки.

– Тогда скажи мне, в какую цену ты оцениваешь ее?

Вопрос был логичен. Я не назвал, что хочу конкретно, я назвал абстрактно, а значит, основным вопросом была цена. Он понял даже больше, но пока молчал.

– Примерно в триста тысяч евро.

Андре, даже не скрывал своего удивления: – Не такая уж высокая цена, но достаточная. Тут надо подумать.

– Да, в общем, думать особого некогда. Я скоро уезжаю.

– Я попробую, но не обещаю, так быстро, хотя... – он задумался, – возможно, и получится.

– У меня есть условие.

– Ну, как без него в нашем деле.

– Ты получишь деньги двумя путями. Часть и меньшую, скажем процентов тридцать, я перечислю тебе. Эта сумма и будет фигурировать в нашем договоре, а остальную часть, я отдам тебе наличными. Надеюсь, тебя мое предложение не смутило?

– Нисколько, я уже давно живу и много, что видел. Ты хочешь забрать ее с собой?

– Ну, что ты! Везти ценную вещь! Нет. Ты мне ее при-
шлешь.

– Договорились. А кого бы ты хотел?

– Ты, предложи. Чья кисть не играет роли, важно, что картина должна быть стоящая, известна и стоять именно таких денег. Надеюсь, ты понимаешь, что я проверю подлинность?

– Даже не сомневался. Но ее надо привезти.

– Я оставлю залог, – понял я его и, открыв сумку, положил перед ним пятьдесят тысяч. Андре написал расписку.

– Позвони мне вечером, я думаю, уже будет, что тебе сообщить.

Выйдя от Андре, уже в салоне, я улыбнулся Алине и даже поцеловал в щеку.

– А это зачем?

– Чтобы не забыть запах, – шепнул я. Она подняла мою голову пальцем, взяв меня за подбородок, и легко поцеловала в губы: – Это лучше запоминается.

Я вышел из салона. Мысли мои, конечно, не крутились

вокруг Алины, это был просто эпизод, имеющий определенную цель. Сев в машину, я снова поехал по улицам. Зайдя на вокзал, достал из камеры-хранения флэшку и бумаги, и, не доезжая до окраины города, я вновь переложил деньги: швейцарские франки в сумку, а евро в багажник.

Дождь, который грозил начаться с утра все-таки пошел, но был мелким, как водяная пыль, которая накрыла город. До Берна предстояло ехать немного менее двух часов, около ста шестидесяти километров, а по дорогам Швейцарии это было удовольствие. Отъехав от Женевы, я обратил внимание, что за мной «хвост». Кто его приставил, я не знал, мог только гадать, возможно, полиция, так как только они знали, куда я поеду. В городе слежки не было. Я попал под подозрение? Кого же? В общем, это было неприятно, но не смертельно. После того, как я проехал Лозанну, остановился выпить кофе в придорожном кафе, выйдя из которого, опять же случайно, уронил ключи, и они закатились под машину, так что пришлось доставать какой-то веткой. На самом деле я осматривал днище машины, в поисках предмета, не входящего в его комплектацию, например, коробочку или проводок, которых не должно быть. Ничего не обнаружив, я с чувством относительного удовлетворения, поехал далее.

Той машины следующей за мной, уже не было, но я ее заметил на одной из площадок возле дороги. До Берна ехать по одной дороге, вот они и не плелись за мной.

С погодой мне повезло. В Берне было малооблачно, и

солнце проглядывало. Вялые облака поодиночке медленно двигались в одном, только ветру известному, направлении. Берн – город для прогулок – прекрасный и уютный, расположен на возвышенности, окруженной с трех сторон рекой. Город, являющийся столицей Швейцарии, сохранил свое провинциальное обаяние и спокойный ритм жизни. Компактные мощеные улицы старого города, с их арками, башнями, многочисленными кафе, позволяли гулять часами, не задумываясь о времени.

Оставив машину, я растворился в толпе пешеходов. Мой взгляд скользил по окружающим, выискивая малозаметные признаки слежки, не заметные для других. Мне надо было оторваться, но естественно. Слежка велась. Я несколько раз отрывался, но так, чтобы меня, потеряв, снова наши. Им это удавалось. Вести наблюдение за мной с большого расстояния им было сложно и потому наружников было двое. Я их рассмотрел, когда они приближались слишком близко, почти вплотную. Город я знал, изучил еще в Париже, поэтому бродил по объектам туристической среды. Оживленная творческая атмосфера сувенирных и антикварных магазинов, кафе, расположенных на улицах и террасах властвовала везде. Вот среди всего этого многообразия я и затерялся. Я вошел в магазин, а вышел через другой вход и тут же зашел в кафе. Сел чуть в глубине, но через большое стекло мне была видна улица. Я ждал и вскоре увидел, что они вышли и начали крутить головами, а затем разочарованно ушли.

Через полчаса я входил в один из небольших банков, на тихой улочке. Встретившему меня клерку, я сообщил: – Я хочу арендовать у вас ячейку.

Пройдя обычную процедуру с сигнатурой, я без каких-либо сложностей положил деньги, флэшку, бумаги, в ячейку, и с пустой сумкой вновь появился на улице.

Пообедав, я вернулся к машине и отправился назад, в Женеву.

Машину, что меня сопровождала, вновь заметил на выезде из города. Она не отправилась за мной следом сразу же, если вообще поехала. Я даже не проверялся, едут они или нет. Сворачивать мне было некуда. Ехал не спеша, соблюдая все правила дорожного движения, да и просто хотел полюбоваться природой Швейцарии.

Конечно, мысль, кто за мной увязался, посещала меня, и выяснить это было интересно, но опасно. Я не мог показать им, что я заметил слежку, тогда можно было понять, что я не просто галерист. И я вернулся к вопросу: – «Кто это мог быть? Полиция, которая посчитала, что я один из всех, кто мог выпасть из их поля зрения, поехал в Берн, а туда ли я поехал? И вернусь ли назад? Это могли быть и американцы, хотя основания для подозрения у них не было, во всяком случае, чтобы организовать слежку в чужой стране. Мне не было известно, кто все контролирует, находясь здесь же, но в тени. Джон был лишь один из исполнителей наружного наблюдения. То, что инспектор не упомянул имени Джо-

на, свидетельствовало, что полиция уже знает, кто он, и наверняка, догадались об истинной причине убийства Ленца, тем более в квартире остались флэшки», – Так наслаждаясь красотам пролетающих мимо пейзажей и размышляя, после шести я въехал в Женеву.

15

Из номера я позвонил Андре, и он сообщил мне приятную новость, ему есть, что мне предложить. Завтра он ждет меня.

Ну, вот, еще одна задача практически решена. У меня не было угрызений совести, по поводу того, что я прихватил деньги. Сто тысяч франков – это понятно, возврат, а вот остальные были уже ничьи. Я не знаю их владельца. Если бы их получила полиция, то сдала в бюджет Швейцарии. Мне нравилась эта страна, но думаю, что без этих денег она и дальше легко будет жить, а вот для меня они не лишние. Если считать, что я их украл, то вопрос. У кого? Хозяин не заявил о краже, да и вряд ли, заявит, а значит, кражей это можно назвать условно. Это плата за издержки моей профессии, за то, что мне пришлось биться за свою жизнь. Приз победителю.

Перевод денег посредством картины я посчитал удачной идеей. В Париже я ее продам и получу их в законном виде, при этом все будет официально. А то, что сделка была несколько сомнительной с точки зрения налогов, так это часто бывает в этом мире, в котором произведения искусства

переходят из рук в руки.

«А почему не звонит Анна, – вдруг подумал я, – она наверняка знает о Ленце».

Я набрал ее номер и, услышав соединение, спросил:– Привет. Ты где?

– Уже дома.

– Чем занята?

– Ничем, с учетом обстоятельств. Ты в курсе?

– Да, мне очень жаль. Утром ко мне приходил инспектор, – сообщил я. – Давай поужинаем? Я, наверное, послезавтра уеду.

– Я никуда не хочу выходить из дома.

– Ты что, так переживаешь?

– Нет, но неприятно. Мы не были с ним в доверительных отношениях, так просто коллеги по работе, поэтому я и не переживаю. А на работе, конечно, есть некоторое замешательство. А ты где был сегодня? – поинтересовалась она.

– Вчера я ездил в Лозанну, а сегодня в Берн. Думаю, хватит поездок и пора домой.

– Позвони мне завтра, и мы договоримся, где встретиться.

– Хорошо, – не стал я настаивать. Анна была самостоятельной женщиной, и навязывать ей свое общество, я был не намерен. То, что было между нами, еще ни о чем не говорит. Она поняла главное, я не склонен выстраивать серьезные отношения, а ее мнения я не знал. Ну, что делать, такова моя жизнь, в которой я кручусь. И, как ни странно, она мне нра-

вится.

Вечер оказался свободным, и проводить его в номере было скучно. Я спустился в бар, где привычный стул, на котором сидел Джон, занимал незнакомый мужчина. Я сел на свободный стул за стойкой и, получив заказанное, спросил у бармена:

– В последнее время я не вижу Джона. Он говорил, что собирается переехать. Так и есть?

Бармен, чуть наклонившись ко мне, поделился: – Его убили.

– Вот это новость? И за что?

– Не знаю. Полиция уже беседовала со мной и другими служащими отеля. Интересовались, с кем общался, что делал. Известно, что и номер обыскали.

– Да, жаль, – а про себя подумал. – «Интересно, когда появится инспектор? Или это будет кто-то другой, не будут же они меня посвящать, что обоих нашли в одной квартире, хотя дела будут, наверняка, объединены. Я с ним общался, а точнее, знал обоих, поэтому без внимания, полиция меня вряд ли оставит. Надо завтра позвонить и сказать, что уезжаю».

В дверях бара возникла знакомая фигура, которую не возможно было не заметить – Линда. Я приветливо помахал ей рукой, привлекая ее внимание, и она подошла ко мне, сев на соседний стул.

– Привет, как настроение?

– Нормальное, – и сделала заказ бармену.

– Ты слышала об убийствах? – спросил я, когда бармен отошел.

– Да, очень жаль. В сущности, Ленца я не знала, но все-таки. Со мной уже беседовали. Что я им могла сказать о человеке, который был в общей компании.

– А Джон?

– Его я совсем не знала. Он пытался со мной познакомиться, но его попытка была неудачной, как почти у всех здесь, ты исключение.

Откуда она узнала о смерти Джона, я не спрашивал. Информация в отеле, наверняка распространилась быстро, тем более убийство иностранца.

– Да, хочу оставить все в прошлом, – добавила она, – и скоро уеду. А ты когда?

– Послезавтра. Завтра еще попрощаюсь с Женевой, а потом в путь. Я уже съездил в Лозанну, Берн.

– Я так и не добралась до них. Я тоже хочу домой.

Мы сидели с бокалами вина, ведя дальше пустой разговор. Информация об убийствах была принята, но акцентировать на этом внимание не было смысла и желания, ни у меня, ни у нее. Посидев с полчаса, я попрощался и поднялся в номер, включил телевизор, уселся в кресле с бокалом вина. Завтра завершу дела, и все.

Легкий стук в дверь, заставил меня вытащить себя из кресла. На пороге стояла Линда. Я впустил ее, но оглядывать

коридор уже не стал. Все было ясно. Как и в прошлый раз, я приготовил ей мартини.

– Оставшись одна, я подумала, что, в сущности, я в этом отеле никого не знаю, кроме тебя, а идти куда-то не хочется, как и проводить вечер в одиночестве. . .

Она не договорила фразу, продолжение которой повисло в воздухе, рассчитывая на мое понимание.

– Как и ночь, – заметил я.

Линда улыбнулась, говоря своим видом, что я ее правильно понял.

– Мне даже нравится, что мы с тобой ничего не знаем друг о друге. Или ты иного мнения? – спросила она.

– Нет. Я не стремлюсь залезать к тебе в душу, чтобы интересоваться твоей жизнью, как и рассказывать о своей.

– Я не слишком кажусь навязчивой, вновь придя к тебе?

– Я все понимаю. Так сложились обстоятельства по месту и времени. Мы случайно встретились и симпатизируем друг другу, как мужчина и женщина, а это сейчас главное. У нас нет желания узнавать что-то друг о друге. Разве, кроме. . ., – я не стал договаривать, чтобы не озвучивать ложь.

– Индийская поговорка гласит, – произнесла Линда. – «Хочешь узнать человека? Тогда задень его. Человек – сосуд. Чем наполнен, то и начнет выплескиваться из него».

– Хорошая мысль, – отреагировал я и, встав из кресла, подошел к ней: – Сейчас самое время задеть некоторые наши стороны.

В душ я пошел первым, а когда вернулся, то Линда уже поднялась из постели и стояла у окна, завернувшись в мой халат. Номер был двухместный, и халатов было два, один из которых был на мне. Я подошел к ней сзади и обнял.

От нее исходил приятный запах тела, только недавно освободившегося от страсти, смешанный с легким ароматов духов. За окном на город уже опустилась ночь; тучи покинули небо, и оно было усеяно мелкими звездами, разметавшимися хаотично в темноте. Внизу, под окнами кипела жизнь, улицы освещались фонарями, рекламой и фарами машин. Город жил своей жизнью. Мы стояли не шевелясь.

– У меня так редко бывает, чтобы вот так, ни о чем не думая смотреть на город и при этом, чтобы кто-то обнимал меня. Просто так, потому что это приятно обоим, – произнесла она, – просто так, – повторила вновь, – но это не может длиться долго, иначе все наслаждение начинает исчезать.

Линда повернулась ко мне лицом, поцеловала: – Теперь моя очередь, – и освободившись из моих объятий, направилась в душ.

Когда она скрылась за дверью, я чуть выждал и прошелся по комнате. Привычка осматривать помещение, где я жил, и где без моего внимания оставался чужой человек, была полезной. Ничего необычного я не заметил, да, и не рассчитывал, что Линда в мое отсутствие поменяет простыни, будет двигать мебель, открывать шкафы, осматривая мои личные

вещи. Простая предусмотрительность с моей стороны. В общем, явных признаков интереса к моим вещам не было, а не явные, на то они и неявные.

Но интерес был у меня. Сумка Линды, стояла открытая на столике. Она доставала из нее что-то женское и не закрыла ее. Осторожно, пальчиком, я чуть приоткрыл сумку пошире, и заглянул. Ничего особенного в ней не было, кроме одного предмета, так, в общем, не очень свойственного женскому содержанию сумочки, отправляющейся на свидание. Видимо этот предмет был ей дорог, раз она носила его с собой.

Я отошел от сумки, которая не сдвинулась ни на миллиметр, и приготовил мартини.

Линда вышла из душа все в том же халате, и не отказалась от предложенного напитка, с которым мы и разместились в креслах, заведя разговор о том, что будем делать дома. Минут через двадцать, она сказала, что ей пора, понимая, что темы беседы скоро исчерпают себя.

- Зачем? – поинтересовался я.
- Люблю просыпаться в своей постели.
- Одна?
- В основном, да, пока нет мужа.
- Но, относительно постоянный мужчина, есть?
- Относительно, да.

Она встала, и прежде чем скинуть халат, спросила: – Ты не отвернешься?

- Даже не подумаю.

– Ты извращенец.

– Не думал, что созерцание красивого тела – извращение.

Она хмыкнула и скинула халат, под которым, как я и ожидал, было только красивое тело, без капли жира, где каждая линия была природной и изящной. Бедра, грудь, все было гармонично дано ей природой. Это тело манило. Начала она одеваться, как ни странно с чулок, и едва их надела, я встал, подошел к ней, по пути сбросив свой халат.

– Ты это сделала специально?

– Конечно.

Ушла она значительно позднее, уже под утро и душ принимать предпочла в своем номере, сказав, что иначе придется остаться у меня надолго. Я не возражал против в ее ухода, у самого были дела.

Утро было полно планов. Потянувшись, я поднялся, побрился и почувствовал себя бодрым и здоровым, несмотря на короткую ночь. Спустился завтракать, рассчитывая встретить там Линду, с которой мы, так и не попрощались. Она была в зале. Сев за ее столик и сделав заказ произнес:

– Мы не попрощались.

– Я рассчитывала, что мы утром увидимся.

– Расчет оказался верным. Ты всегда все верно рассчитываешь?

– Почти, но ошибки бывают.

– Мы, возможно, больше не увидимся.

– Ты сожалеешь?

– Немного.

– Приятно, что честно, а не стал говорить о вечной памяти.

– В памяти останешься, а сожаление пройдет.

– Я не даю тебе свой номер телефона и адрес. Я много езжу и не всегда дома. Да, и зачем он тебе?

– Я не напрашиваюсь, но если будешь в Париже, заходи, – я протянул ей визитку, где был адрес и телефон моего салона.

– Если будет возможность, – но поблагодарила.

Она уже закончила завтрак и поднялась из-за стола, я тоже встал. Линда подошла ко мне и поцеловала в щеку, легко и нежно, и все это на виду у постояльцев отеля. Да, ей было безразлично их мнение, как и мне, а я вновь почувствовал приятный запах духов.

– Пока, – шепнула она и пошла к выходу.

Я под восхищенные взгляды мужчин, смотрел ей вслед, пока двери за ней не закрылись, оставляя лишь память.

После завтрака я взял из номера легкую куртку и поехал к Андре. Он уже ждал меня. Алина приветливо мне улыбнулась, отреагировав на мое появление, а Андре приготовил все необходимое для проверки подлинности картины. Я был знаком с творчеством этого художника, знал его стиль, манеру, и полчаса осматривал ее. Убедившись, что это подлинник, спросил:

– Она отдается на законных основаниях?

– Жан, ты меня хочешь обидеть. У нас с тобой договор. Я все понял. Она из частной коллекции. Я же понимаю, что ты ее приобретаешь для продажи. Мы коллеги и терять свой авторитет я не собираюсь. Мне даже приятно наше знакомство. Твой приезд сюда, позволил нам обоим немного заработать.

– Это верно.

Мы подписали договор, я передал ему наличные, которые захватил из машины. Воспользовался его телефоном и позвонил Элен, сообщив счет, на который, она должна была перевести деньги. Элен, как директор, имела право распоряжаться счетом по делам салона. Мой личный счет был иным, но там было больше денег, чем на счете салона.

– Когда отправишь картину?

– Сегодня займусь.

У меня не было основания не доверять Андре. Это был мир узких специалистов и каждый дорожил своим именем.

– Деньги уже в пути.

Мы попрощались, я пригласил его к себе в гости, оставил визитку, и вышел, задержавшись возле Алины.

– Дорогая, я уезжаю. Совсем.

– Помнить будешь?

Я уже примерно слышал это, не раз, и заучено ответил:

– Конечно. Будешь в Париже, заходи. Андре скажет, где меня найти.

– Будешь в Женеве заходи, – ответила она.

– Куда? – решил уточнить я.

– Куда захочешь, – поняла она мой намек.

Обменявшись поцелуями, я вышел под небо Женевы. От Андре звонить в полицию я не хотел, а потому позвонил из автомата.

– Добрый день. Это Жан Марше, – сообщил я, когда услышал в трубке голос инспектора. – Я завтра уезжаю, поэтому и звоню, как обещал.

– Вы можете ко мне зайти? – попросил он, и я дал согласие.

До полицейского участка было недалеко, минут через десять, сообщив дежурному на входе к кому мне надо, я прошел по коридору и постучал в казенную дверь.

– Войдите, – услышал я, и открыл дверь.

– Добрый день, инспектор.

– Добрый, присаживайтесь. Я вас долго не задержу. Когда мы с вами беседовали, – начал он едва я сел на стул напротив него, – то на мой вопрос, не был ли Ленц странным, вы ответили отрицательно. А вот Анна Гранди и Линда Уэбли, сказали, что это не так.

– Что не так?

– Его поведение показалось им каким-то странным, напряженным.

– Инспектор, – удивился я. – Вы спросили, не заметил ли я что-то странное в его поведении. Я не заметил, а что заметили женщины, я не могу знать. У них и уточняйтете.

– Утоняем. Как раз сейчас Линдой Уэбли беседуют в другом кабинете еще раз.

– Что вам надо от этой женщины? Ленца она почти не знала, а с Джоном, не знаю, как его фамилия, тоже почти не общалась.

– Откуда вам это известно?

– Она сказала, и я склонен ей верить. Мы живем в одном отеле, и я не видел их беседующими.

– Есть много других мест, но здесь вы правы, я думаю. Откуда вы знаете про Джона?

– В отеле сказали. Кто он и чем занимался, я не знаю, мы с ним несколько раз беседовали в баре. И все. Или у вас иное мнение?

– Вопросы пока задаю я, – пресек он. – О чем разговаривали?

– О вечном, о женщинах. Он собирался переезжать из отеля на квартиру, – решил я умолчать о нашей беседе про Линду.

Инспектор достал из папки лист бумаги, просмотрел его. – Мы пропустили вашу фамилию через компьютер, проверяя, есть ли у вас ордера на арест в Швейцарии или иные проступки. Рад сообщить, что ничего не было, даже штрафа за езду. Единственный документ – это ваша помощь при задержании уличных грабителей,

– Я законопослушный гражданин, и всегда готов помочь органам правопорядка.

– Но не обычный.

– И в чем это проявляется?

– В том, как вы их отделали. Это, как мне сообщили, было достойно.

– А что кто-то видел?

– Нет, но их долго приводили в себя.

– Я занимаюсь спортом.

– И каким?

– Я обязан отвечать?

– Нет. Мы, кстати, запросили наших коллег из Франции данные на вас. И снова ничего, за исключением нескольких штрафов за парковку.

«Ну, не мог же я, живя в Париже, не нарушать правила. Делал это даже умышленно. Чистая база данных всегда подозрительна», – мысленно улыбнулся я своей предусмотрительности.

– Так что теперь?

– Ничего. Можете ехать домой. У нас к вам претензий нет, а со стороны моего коллеги, даже признательность за помощь. Мы это тоже учитываем.

– А как с Линдой?

– Мы разберемся.

– Да, в чем? Она милая женщина.

– Месье Марше, вы считаетесь хорошим специалистом в своей области?

– Надеюсь, что да.

– Вот и я в своей. Всего доброго.

– Извините. А что с Джоном?

На это раз инспектор снизошел до ответа: – Он тоже был убит в той же квартире. Больше вам знать не положено.

– Вот это да. Значит, они были знакомы.

– Вы уезжаете поездом? – оставил он мои умозаключения без комментариев.

– Да. Хотел машиной, но передумал. Поездом безопаснее. Одинокий водитель – добыча. Я знал обоих, пусть и немного. Кто знает, что на уме у убийцы. Знаете, я всегда считал, что Швейцария – это островок безопасности. Тихая Швейцария оказалась моим домыслом. Что сказать. Прощай тихая Швейцария, – иронично произнес я и поднялся со стула.

Инспектор не счел нужным, что-либо комментировать, и уткнулся в бумаги, давая понять, что разговор закончен.

Я вышел в коридор, посмотрел на двери кабинетов, где за одной из которых сейчас была Линда. Я не боялся за нее, поговорят и отпустят.

Остановившись на крыльце полиции, я легко вздохнул и был готов сейчас же, отправится в Париж, но не все дела закончил. Позади я услышал звук открываемой двери и, обернувшись, увидел Линду, несколько раздосадованную.

– О! Рад тебя видеть целой и невредимой. Мне сказали, что ты здесь. Я как раз сейчас думал, как тебе помочь. Пытались? Иголки под ногти засовывали?

– Не смешно, а ты здесь тоже не по доброй воле?

– Я, как и ты, жертва гнусного подозрения. Но я не обижаюсь это их работа. Радостно то, что я уезжаю. А ты?

– Если бы! – сказала она с возмущением. – Попросили задержаться.

– С чего бы?

– Нашли причину, – не стала она мне доверять свои секреты. – Да, ладно, это простая неприятность влекущая задержку, но думаю не более чем на пару дней.

– Тебя подвезти?

– Спасибо, я прогуляюсь. Пока, может быть, когда-нибудь увидимся, – и пристально посмотрела на меня, пытаюсь что-то увидеть для себя. Я понимал, что сейчас она ищет виновника своей задержки. Но увидела лишь сочувствие.

– Пока. Удачи, – пожелал я ей.

– Да, она не бывает лишней, – и Линда направилась по улице, чувствуя на себе мой взгляд. Я направился к машине, которую и сдал машину в салон проката.

– Вы хотели на ней поехать домой?

– Я не хотел, а допускал возможность, – поправил я слушающего.

Время шло к концу рабочего дня. Я позвонил Анне, и мы договорились о встрече, на углу улицы, недалеко от ее работы. Анна не опоздала. По ее виду не было заметно, что убийство Ленца как-то повлияло на нее. Да, в сущности, почему она должна огорчаться.

– Давай погуляем по городу, – предложила она, а я не стал

возражать.

Мы бродили вдоль Женевского озера, поужинали в кафе на берегу. Лишь там слегка коснулись темы Ленца.

– Знаешь, он, в сущности, был не плохой человек, но амбициозный, считал, что его недооценивают.

– И что теперь в компании?

– А что должно измениться? Он же не Бог, а потому заменим. Все по-прежнему. С нами беседовали, мы ничего не скрывали, во всяком случае, я.

– Ты знаешь, что в его доме был убит еще один человек?

– Нет, – голос ее звучал искренне. – Кто?

– Один американец, Джон, как он мне представился в отеле.

– Да полицейские спрашивали, знаю ли Джона, но я его ни разу не видела. Давай закончим эту тему.

– Давай, лишь замечу, что сказал полицейским, что мой миф о тихой, спокойной Швейцарии разрушен.

Анна лишь пожала печами, извиняясь за свою страну, где я оказался, по ее мнению, в неприятной ситуации. Знала бы она, сколько у меня их было, таких неприятных ситуаций.

– Но ты не жалеешь?

– Нисколько, – и мой ответ был искренним.

Мы еще гуляли, разговаривали, а потом я на такси подвез ее к дому, где расплатившись, опустил машину.

– Не надо было, – сказала Анна. – Я думаю, что нам лучше попрощаться здесь и сейчас. Я хочу оставить воспоминания,

те, что были там, а сейчас это будет что-то прощальное.

– Я так и не увидел, как ты живешь?

– Я тоже не знаю, как ты живешь. У тебя будет повод приехать еще раз.

– Не знаю, когда это может случиться.

– Но вероятность остается.

Я кивнул головой: – Приезжай ты ко мне.

– А ты будешь дома?

– Обещать не могу. Я птица вольная и могу оказаться где угодно.

– Я позвоню сначала, – подойдя, поцеловала меня. Знакомый запах духов накрыл меня, но сейчас это было ощущение легкости и завершенности. Третий поцелуй за один день от разных женщин, но именно этот, был самым приятным.

Она повернулась и пошла, а я смотрел ей вслед с чувством некой жалости к себе, к своему одиночеству и свободе, а также тому, что Анна оказалась той, кем и была для меня с самого начала – изумительной женщиной.

Но, я также знал, что жалось к себе пройдет, надо только чуть-чуть подождать. Я умел с ней договариваться.

Пройдя вдоль улицы, я остановил такси и направился в отель собирать вещи.

16

Утренний поезд уносил меня из Женевы, и к обеду я ступил на тротуар Парижа, вдохнул его воздух, который был, не

так чист, как в Женеве, но это был родной воздух, которым я дышал уже много лет. Дома я переделался, составил шифровку, чтобы закончить операцию, проехал и оставил сигнал о том, что тайник заложен.

После этого легко шагал по улицам Парижа. Теперь я был свободен и мог себе позволить расслабиться. Позвонил Элен и сообщил, что я уже в Париже, но на работе буду завтра, пусть готовится.

– К чему? – поинтересовалась она без восторга.

– К встрече со мной.

– Я всегда готова, – ответила она с иронией.

Затем поехал на Монмартр к Николаю. Открыв дверь магазина, чуть подождал, пока он закончит разговор с покупателем и обратит внимание на меня. Он все-таки посмотрел, кто вошел и, закончив с покупателем, оставив магазин на помощницу, подошел ко мне.

– На этот раз, ты быстро вернулся.

– Я там все дела завершил.

– А были

– Не без этого. Пошли, посидим, выпьем нашего вина, – предложил я, и он не стал отказываться. Выйдя на улицу, я поинтересовался: – И что ты намерен купить?

Он указал на магазин справа: – Я пока не намерен, я думаю.

– Я уже подумал. Тебе хватит двести тысяч?

Николай посмотрел на меня: – Ты мне их дашь? Я не могу

брать в долг, я стар.

– Не надо долга. Я дам тебе их, как вложение в твой капитал, ты напишешь расписку, бессрочное пользование, и если наследники вступят в права, то отдадут, имуществом или деньгами.

– А если наоборот?

– Тогда это будет мой тебе подарок, но не будем о грустном. Пошли.

Я не зря затеял с картиной. Там, в Женеве у меня и мелькнула мысль, как помочь Николаю, но вносить такую сумму наличными – привлечь к себе внимание, а сейчас я просто вкладываюсь в покупку и все. Спасибо, тебе, мой неизвестный спонсор.

Мы разместились на веранде и тут же перед нами поставили бутылку вина, зная наши предпочтения.

– Рассказывай, – сказал Николай, когда мы впили по первому бокалу.

– Швейцария удивительная страна, я действительно отдохнул: побывал в горах, в разных городах.

– Только не огорчай старика, не говори, что все время был один.

– Не скажу. Приятная была поездка. Днем часто ходил один, но вечера не проводил в номере отеля. Меня часто сопровождали нимфы из сказки, красивые и изящные.

– Так, значит, была не одна? – сделал вывод Николай.

Я лишь придал своему лицу выражение, по которому он

понял, что прав.

– Не посрамил одиноких мужчин, – радостно сказал Николя.

– Да, все были на высоте, если судить о женщинах

– И что, все-таки, есть осадок?

– Не все оказались искренними, но я с этим справился.

Мне вспомнилась Линда. Интересно, она сейчас еще в Женеве или уже уехала? Только куда? Не простая женщина. Когда я вошел в квартиру Ленца, то уловил легкий запах духов, знакомый мне не из магазина. Ими пользовались две женщины: Анна и Линда. Так совпало, что вкус у них оказался одинаковый. Я помнил этот запах от Анны, но она ли там была, я, знать не мог. Под подозрением были обе. В тот вечер, когда Линда пришла ко мне в номер, все стало очевидным. В ее сумочке я увидел знакомую флэшку. Как она оказалась у нее, я мог только догадываться. В Лойкербад она поехала, чтобы видеть, Ленца, и в понедельник вечером пришла к нему вместе с Джоном. До этого Ленц, наверняка, не встречался с ней. Она и была куратором, и подставным покупателем. Деньги принесли, чтобы убедиться, что Ленц действительно продает информацию. Видимо Джон не лгал, что был вынужден защищаться. Не думаю, что Ленц и Джон были знакомы, но вот появление Линды было шоком для Ленца. Он запсиховал. Увидев, что произошло, Линда предпочла уйти. Деньги должен был забрать Джон, она не хотела рисковать и ходить по улице с такой суммой наличных, но

после ее ухода, вмешался я. Уверен, что Линда не сидела рядом с домом, иначе сразу бы вошла за мной. Она предпочла не быть поблизости и ждать звонка Джона. К тому же, если бы она меня видела входящим в дом, то вела бы себя иначе в номере, я в этом разбирался. После моего звонка им стал нужен я, неизвестный покупатель. Линда предпочла не рисковать и ушла, зачем показывать свое лицо. Джон исполнитель, а она рангом выше. Но, не дождавшись звонка от Джона, она вернулась, и, увидев итоги разыгравшейся драмы, приняла верное решение, что помочь уже никому не может, а потому увидев пропажу денег, поняв, что тот, кто остался жив, все и прихватил, взяла флэшку и ушла. Она хотя бы сохранила шифровки, как она надеялась. Выискивать, кто убил Джона – подставить себя. Линда была куратором операции и смотрела на все издали. И Джона она знала, хотя могло быть и не так, и открылась она ему, когда понадобилось идти к Ленцу, иначе им трудно было бы скрывать свое знакомство, я бы это заметил, даже по глазам. Нет, они не были знакомы ранее.

Как было на самом деле, я конечно не знал. Джон уже тогда допустил ошибку, сказав «мы пришли». Это «мы» сказало мне о многом, поэтому я и старался быстрее уйти, но тогда еще не знал, кто за всем этим стоит, знал лишь, что это женщина, и пользуется духами со знакомым мне ароматом. Третью женщину я исключил, вероятность была слишком ничтожна. Не исключая, что Линда и позвонила в полицию, как и я чуть позже, но по другому поводу. После по-

следнего с ней завтрака, я позвонил в полицию и, изменив голос, сообщил, что Линда Уэмбли, возможно, носит с собой косвенную улику, имеющую отношение к убийству. Конечно, мало ли кто, что носит, но у полиции была флэшка с де-зой, и, сопоставив, можно понять, что они из одного места. Да и пусть с ней поговорят, засветиться.

Я знал, что она выкрутится. Даже если и не избавилась от флэшки, то могла придумать много чего, как она к ней попала. Подозревать, что кто-то сообщил о ней, она могла и меня, но не более, да и уехал я уже. Отпечатков пальцев на ее сумке моих не было, так что сравнивать, если такие и находились в их базе данных, было не с чем.

Ах, Линда, Линда, любительница тайн. Красивая, умная и оказалась, как и я, сотрудником разведки. Даже немного жаль, хотя радовало то, что Анна не имела к этому никакого отношения.

Да, теперь операция завершена. Сообщать о Линде я не стал. Это мои дела и могут еще всплыть. Я не мог все рассказать и Николаю, что я думал об этих женщинах, встретившихся мне там.

- А ты часто видел искренних женщин? – спросил он.
- Редко и только тех, кто были влюблены.
- В тебя?
- И в меня.
- А в Швейцарии?
- Оставим ее, – не стал я продолжать тему, зная, что Ни-

коля не будет расспрашивать, раз я не хочу говорить, и добавил. – Швейцария тихая страна.

Раздался зуммер.

– Товарищ генерал к вам Виктор Николаевич.

– Пусть войдет.

Виктор Николаевич возник на пороге, и, получив приглашение садиться, разместился на одном из приставных стульев.

– Мы получили информацию и уже изъяли ее. Сейчас она обрабатывается. Он вернул также и деньги.

– Подробности потом. Значит, операция завершена?

– Так точно.

– Подготовьте документы о награждении.

– Хорошо.

– А где сам агент?

– Видимо дома, раз сигнал пришел не из Швейцарии.

– Хорошо, что он вернулся живым.

– Чтобы убить профессионала такого класса, нужен генерал.

2015 г.

(фото Горюнов Ю.)